

Круглый стол / Round Table

Круглый стол «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития» Round Table «Sinology in Modern Russia: Problems and Prospects»

8 ноября 2021 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» провел круглый стол, посвященный 50-летию журнала, на тему: «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития». В круглом столе приняли участие:

К.М. Барский, к.и.н., посол по особым поручениям МИД России, старшее должностное лицо России в АТЭС, профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО (У) МИД России, заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы;

А.В. Виноградов, д.полит.н., главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор РУДН;

Т.Л. Гурулева, д.пед.н., в.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

В.Г. Дацышен, д.и.н., профессор, профессор Сибирского федерального университета, Институт востоковедения РАН;

А.Н. Карнеев, к.и.н., руководитель Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А.И. Кобзев, д.филос.н., профессор, г.н.с. Центра изучения языка, литературы и культуры России Хэйлунцзянского университета; заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН; директор, руководитель Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, департамент философии Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; руководитель Учебно-научного центра «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета;

В.Л. Ларин, д.и.н., академик РАН, г.н.с., руководитель Центра глобальных и региональных исследований ИИАЭ ДВО РАН;

А.В. Лукин, д.и.н., профессор, руководитель департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России;

А.В. Ломанов, д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН;

В.В. Малявин, д.и.н., профессор департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А.В. Островский, д.э.н., профессор, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока»;

В.Я. Портяков, д.э.н., профессор, г.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН;

А.И. Салицкий, д.э.н., г.н.с. Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН им. Е.М.Примакова;

Н.А. Самойлов, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой теории общественно-го развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ;

Янь Годун, декан факультета западных языков Института иностранных языков Нанькайского университета (КНР).

«Китай такая страна, которая заслуживает своего института»

С.Л. Тихвинский

К.М. Барский. Китайская цивилизация как один из наиболее самобытных и живучих феноменов в истории человечества должна заслуживать особого внимания со стороны мирового научного сообщества.

Переосмысление в первой четверти XXI в. роли государства в обеспечении национальной и международной безопасности, социально-экономического развития общества, морально-этического и духовного бытия человека, сделанный большинством исследователей вывод о возможности сосуществования различных моделей общественного устройства и различных путей развития, неминуемо повысит интерес к изучению Китая как носителя альтернативной Западу идеологии.

Формирование многополярного мира будет одновременно означать формирование «китайского мира», что в случае значительного усиления Китая как второй мировой державы может привести к складыванию «китаецентричного» миропорядка. Это предопределяет особое место китаеведения в современном социогуманитарном знании, диктует объективную востребованность китаеведения, а следовательно, требует углубленного изучения всех сторон жизни современного Китая и вновь возникающих политических и экономических реалий, а также китайской политической культуры, общественно-политической мысли, менталитета, ценностей и поведенческой психологии китайской нации в новых условиях.

В США и Европе изучению Китая уделялось и уделяется всевозрастающее внимание, однако Запад никогда не мог до конца понять Китай. Россия с ее уникальной способностью «обнимать» иные цивилизации и культуры, с интернационалистским менталитетом ее народа и мощнейшей школой синологии отличалась и фундаментальным знанием, и глубоким пониманием Китая.

А.В. Островский. Роль китаеведения в мире всегда была значительной хотя бы в силу того, что Китай занимает 1-е место в мире по общей численности населения, а история Китая насчитывает свыше 4 000 лет.

Китай постепенно становится центром притяжения для многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Уже в конце XX в. некоторые страны стали перенимать китайский опыт: Вьетнам, Сирия, Алжир. Иными словами, опыт строительства социализма «с китайской спецификой» получил широкое распространение. В этой связи чрезвычайно важным направлением остается подготовка кадров по проблемам китайского права и экономики, которые могли бы обеспечивать сопровождение российско-китайских контрактов в сфере экономического сотрудничества.

А.Н. Карнеев. Российское китаеведение всегда давало важнейшие средства для понимания нашего соседа, для диалога цивилизаций, тем самым создавая механизм для налаживания и развития связей между странами и народами. Все эти качества нашей профессии становятся особенно актуальными в условиях нового качества глобальной роли Китая. Начиная с 19-го съезда КПК, в Китае говорят о наступлении «новой эпохи», что было перенесено в том числе и на сферу российско-китайских отношений. В 2018 г. Си Цзиньпином была выдвинута концепция «беспрецедентных перемен, происходящих один раз в сто лет». В каком-то смысле слова эти и подобные им концепты призваны популяризовать, прежде всего в сознании китайских граждан, представления о том, что мир с неизбежностью вступает в «век Китая». При этом меняется подход китайской стороны

к контактам, в том числе с китаеоведами. В Китае выделяются большие деньги на изучение зарубежных китаеведов, в том числе российских. Также, как считают некоторые аналитики, постепенно растет и давление в плане влияния на содержание исследований, особенно по политике и экономике, чтобы они стали более соответствующими линии Пекина. Напористость во внешней политике проецируется и на эту область. Это требует от китаеведов более систематических обсуждений о том, где и в каком состоянии находится отечественная синология как научная и образовательная сфера, какие задачи должны ставиться перед ней обществом и государством.

А.В. Виноградов. Говоря о китаецентричности, мы часто забываем, что современный мир уже несколько сот лет западнцентричный. Этот период закономерно подошел к концу. Стремительный рост Китая, Японии, азиатских «драконов» и «тигров» привел к формированию на Дальнем Востоке сначала экономического, а затем и политического полюса мира. Выяснилось, что догнав Запад по экономическим показателям, Восток не потерял своей идентичности, закономерности его общественного развития по-прежнему отличаются от европейских, а переход в цифровую эпоху открывает для него новые возможности. Необходимость познания старых и новых закономерностей повышает роль китаеведения и востоковедения в целом. Вслед за этим Восток неизбежно превратится и в интеллектуальный полюс мира. Похоже, что не астрономы и космонавты, как ожидалось, а скорее китаеведы и другие востоковеды смогут открыть новые, точнее, вероятно, затерянные пару столетий назад миры, что неизбежно отразится на понимании сущности и законов человеческой цивилизации в целом. Роль в этом повороте изучения Китая и Тихоокеанской конфуцианской Азии исключительно велика.

А.И. Кобзев. Ныне вновь обострился вопрос о научном и педагогическом статусе или даже самом существовании востоковедения как якобы устарелой недонауки или идеологизированной псевдонауки¹. Подобная тематика обсуждалась в российской синологии еще с XIX в., поскольку из всех высокоразвитых культур Востока китайская является самой синкретичной, а наука о ней – самой синтетичной. Стоящая за этим реальная науковедческая, культурологическая и даже геополитическая проблема нуждается в глубоком рассмотрении. Востоковедение (ориенталистика, ориентализм) пока не составляет с западноведением (оксиденталистикой, оксидентализмом) равноценной пары, но предложения о введении таковой в научный оборот уже прозвучали.

Русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его псевдомарксистскому и европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «ведение» в современном языке означает в первую очередь «управление», а не «знание». Связанная с этим лингвистическим фактом и до сих пор внятно не объясненная претензия руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР привела в июле 1960 г. к переименованию первого и упразднению второго.

Согласно этой бюрократической логике, видимо царящей в директивных инстанциях и поныне, Институт китаеведения предназначался для решения «простых вопросов», а такая простота поистине хуже воровства, поскольку может оборачиваться катастрофами. Так и произошло, когда мираж «великой дружбы» и «вечного братства» рассеялся, и противостояние двух коммунистических гигантов дошло до пролития крови в столкновении на границе 2–15 марта 1969 г., а уже 28 марта Постановление Президиума АН СССР № 263 вновь преобразовало Институт народов Азии в Институт востоковедения, однако без восстановления Института китаеведения, поскольку уже с 1966 г. существовал заменивший его Институт Дальнего Востока АН СССР. В советское время, по

1. См. об этом подробно: Кобзев А.И. Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 6. С. 77–104.

словам А.В. Лукина, он «постепенно превратился в специализированное учреждение по «критике маоизма», которой занимались десятки его сотрудников (в шутку прозванных в научных кругах «китобоями»), публикуя свои труды в многочисленных открытых, но чаще всего закрытых изданиях»².

Исторически сформировавшийся со времен Петра I привилегированный статус востоковедения и особенно синологии как государственной дисциплины, связанной с достижением важных внешнеполитических целей, имеет и весьма негативную обратную сторону. При легкости решаемых задач государственное внимание к этой сфере ослабевает, а при сложности – ее максимально политизирует, отчего в обоих случаях понижается научный уровень исследований, которые перерождаются в справочные материалы и экспертные оценки, в производстве которых на смену ученым легко приходят практики и журналисты. В СССР научность востоковедения и синологии поддерживалась инерцией традиционного академизма, которая и в советское время уменьшалась, а за постсоветское тридцатилетие совсем ослабела, особенно в безвременье 1990-х, когда число профессионалов тут уменьшилось в разы и рассеялось целое поколение ученых. Дело дошло до публикаций в СМИ, утверждающих, что в России «государство ушло из китаистики», где «остались пенсионеры, дебилы и сумасшедшие» или, еще хуже, «шарлатаны, шаманы и шайтаны». Действительно, для востоковедения и синологии опасна как слишком тесная, удушающая связь с государством, так и обездоливающая полная отстраненность от него, особенно если она никак не компенсируется хорошо известными в мировой практике механизмами поддержки, тем более что последние, подобно РГНФ, на нашей почве также плохо приживаются.

В противовес такому исследовательскому разброду и шатанию Восток, и прежде всего Китай из состояния «отсталости навсегда», как утверждали некоторые мудрецы еще полвека назад, превратился в один из главных центров мирового развития, для подлинно научного осмысления чего в России требуется не только новая институализация востоковедения и синологии, но и выработка для них новой методологии, поскольку ранее общепринятая в СССР себя дискредитировала как теоретически, противопоставив «советскую» науку «буржуазной», так и практически, что ярко показал пример с ликвидацией Института востоковедения.

Состояние современного китаеведения в России

А.В. Лукин. Оценивая состояние китаеведения в сегодняшней России, мы должны сравнивать его с каким-то образцом, идеальной моделью. Для меня моделью, близкой к идеальной, хотя, естественно, имевшей свои недостатки, было китаеведение в позднем СССР, когда я начинал работать как исследователь. Тогда, в 1989 г. я после нескольких лет, проведенных в советском посольстве в Китае, поступил младшим научным сотрудником в Отдел Китая Института востоковедения АН СССР. Ситуация, которую я застал тогда, можно описать в трех пунктах, которые, как мне кажется, должны быть характерны для китаеведения любой великой страны.

Первое – это охват экспертизой всех или большинства направлений дисциплины. В то время только в одном Отделе Китая нашего института работало более 50-ти человек. Кроме того, специалисты по истории и культуре Китая трудились в научных центрах и вузах других городов и республик СССР: во Владивостоке, Ленинграде, Ташкенте, Риге и т.д. В Москве активно работал также Институт Дальнего Востока АН СССР, количество сотрудников которого, было, кажется, более 300 (а сегодня – менее ста). Он был более политически ориентирован, большая часть его исследователей занималась современ-

2. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015. С. 760.

ной ситуацией и внешней политикой Китая, издавал книги по этой тематике и направлял закрытые информационные записки в ЦК КПСС и другие государственные ведомства. Отделы, занимавшиеся Китаем, были и в других институтах РАН.

Если бы в то время была поставлена задача написать комплексную историю Китая, то в стране можно было найти специалиста практически по каждой эпохе и теме: внутреннему устройству, экономике, культуре, внешней политике, языку. И этим, собственно, и отличается великая страна: страна, в которой изучают не просто то, что сейчас происходит, и что в данный момент в связи с этим нужно предпринять, но которая может позволить себе еще и фундаментальную науку, глубокие и широкие исследования, без которых сложно адекватно понять современность. Классическое китаеведение относится к этой фундаментальной сфере. И это особенно важно в случае с Китаем. Может нам не надо так изучать любую страну, но Китай – это наш ближайший сосед, крупнейшая мировая цивилизация, и она важна как в теоретическом, так и очень даже в практическом плане: Китай – дружественная держава, у которой мы ищем поддержки, он уже более десятилетия наш первый торговый партнер и т.д. Тем не менее, мне кажется, что сегодня в России можно найти больше специалистов, скажем, по Франции или Германии, по разным периодам их истории, чем по Китаю. Потому что вся эта система комплексного китаеведения в 90-е годы прошлого века была разрушена. Просто физически ушли люди, которые занимались многими темами, их больше нет, и на замену им никто не пришел. Кто-то умер, кто-то уехал за границу.

Второе. Взаимодействие несколько крупных центров, которые если не координируют, то как бы вдохновляют специалистов, работающих в других городах. И в регионах посредством организации различных научных связей и мероприятий создают атмосферу общности, не дают им чувствовать своего одиночества. В советское время в Москве таких центров было, по крайней мере, два. О них уже говорилось, там проводились ежегодные общесоюзные конференции, издавались сборники и коллективные монографии, где печатались и работы специалистов из других регионов. Можно добавить еще отдельную школу ленинградского китаеведения, которая была еще более фундаментальной и включала тибетоведение, маньчжуроведение и монголоведение.

Сегодня все они пребывают в состоянии разной степени плачевности. Некоторое возрождение в последние годы, впрочем, наблюдается. В том же Институте востоковедения РАН появляются новые молодые люди, которые изучают сложные исторические или юридические проблемы Минской или Танской династий, издаются переводы классических источников. Это все совершенно прекрасно. Но пока все это делается в значительно более скромных масштабах, экспертиза имеющихся специалистов пока не охватывает всех тем и эпох, то есть не является комплексной.

Третий пункт – это финансирование. С 1950-х годов, причем независимо от состояния отношений с Китаем, а в них были и хорошие, и плохие времена, всегда считалось, что Китай необходимо изучать. И финансировалось именно китаеведение. Был создан журнал «Советское китаеведение», потом его закрыли, но стал выходить журнал «Проблемы Дальнего Востока», который не полностью, но по большей части был посвящен Китаю. Издавалось множество книг и других материалов. Их тиражи и общественный интерес к ним был огромен по сравнению с сегодняшним.

Сегодня, после периода упадка, наука в целом стала финансироваться лучше. Ученый, имеющий способности и умеющий ориентироваться в сложной системе грантов, оценок публикационной активности и т.п., имеет возможность заработать себе на жизнь. Но это не относится к какой-либо конкретной науке, в том числе к китаеведению, ценится ширина подхода, писать надо не на узкую тему специализации, а на ту, куда выделили средства. Я не слышал такого, чтобы в последние десять лет какой-то крупный грант выдали именно на изучение Китая, китаеведческому центру или по китаеведческому направлению. Недавно, правда, мы в НИУ ВШЭ получили грант РФФИ по теме час-

точно китайской: «Проблемы и специфика развития национальных школ политической мысли России и Китая: исторический и концептуальный анализ». Но деньги там совсем небольшие, и он наполовину финансируется Китайской академией общественных наук. Да и сам РФФИ уже закрыли, что будет дальше – неизвестно.

К.М. Барский. Состояние современного китаеведения в России оставляет желать лучшего. Неудовлетворительная ситуация наблюдается во всех без исключения измерениях – в китаеведческой науке, в области преподавания китайского языка, истории, политического устройства, экономики, литературы и внешней политики Китая, а также в сфере практического китаеведения.

В этом состоит главный парадокс сложившейся на сегодняшний день ситуации. С одной стороны, Китай – наш стратегический партнер, сотрудничество с ним является ключом к решению важнейших проблем России в области безопасности, экономики и мировой политики. Россия имеет все основания гордиться сильной, опирающейся на большую традицию и глубокие исследования школой китаеведения. Россияне в целом позитивно относятся к Китаю, к его культуре, к возможностям, которые открывает сотрудничество с китайскими компаниями и выход продукции российских экономических операторов на китайский рынок. Интерес к Китаю в российском обществе неуклонно растет. Сегодня наблюдается повальное увлечение граждан России китайским языком, на что указывает впечатляющая статистика взрывного роста числа вузов и школ, вводящих в свои учебные программы преподавание китайского языка. В настоящее время китайский язык в России изучают 26 тыс. студентов в 230 вузах и 19 тыс. школьников в 130 средних школах. С 2019 г. китайский язык вошел в систему государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования (ЕГЭ) как пятый иностранный язык по выбору. Это не может не вселять оптимизм.

С другой стороны, изучение Китая и подготовка китаеведов, к сожалению, не относятся к числу приоритетов политики государства.

Т.Л. Гурулева. По результатам проведенного Центром лингвистических исследований при Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского в 2017 г. исследования, количество изучающих китайский язык в России составляет около 56 тыс. человек. В 1997 г. китайский язык учили 5 тыс. россиян, в 2007 г. – уже 17 тыс., а в 2017 г. – около 56 тыс. Основным ресурсом для изучения китайского языка в России являются вузы – 39% от общего числа учебных заведений. Число общеобразовательных школ составляет 31%, частные школы и курсы – 25%, институты Конфуция – 5%³.

По данным Рособрандзора в 2018 г. в средней школе китайский язык изучался в 34 субъектах РФ в 168 образовательных организациях. Количество учащихся, изучающих китайский язык, составляло более 17 тыс., из них около 3 тыс. человек – старшеклассники. Более 10 тыс. школьников изучали китайский язык в рамках обязательной программы в 75 школах.

Преподавание китайского языка в обязательной программе или факультативно уже ввели более 5% столичных общеобразовательных школ (69 из 1 364 учебных заведений), преподают более 200 учителей⁴.

Среди новых положительных тенденций необходимо отметить начавшиеся процессы унификации обучения китайскому языку в средней школе как первому; вве-

-
3. Интерес к китайскому языку в РФ вырос втрое за 10 лет — доклад. 24.07.2017. URL: <http://ekd.mc/2017/07/interes-k-kitajskomu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (дата обращения: 07.11.2021).
 4. Рособрандзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (дата обращения: 07.11.2021).

дение в образовательный процесс средних школ китайского языка как второго (с 2018 г.), сопровождающееся разработкой всей необходимой методической базы; включение китайского языка в перечень школьных дисциплин, по которым сдается ЕГЭ по выбору (с 2019 г.) и в перечень Всероссийской олимпиады школьников (с 2015 г.). Данные ЕГЭ по китайскому языку за 2019 г. и 2021 г. показывают рост числа сдающих ЕГЭ (с 178 до 251), увеличение среднего балла (с 66,87 до 67,95), увеличение количества высокобалльников (с 35,15% до 43,43%), уменьшение количества человек, не прошедших испытание (с 8,7% до 3,59%).

Что касается изучения китайского языка в вузах России, то в 2015 г. китайский язык изучали свыше 37 тыс. человек, в том числе 19 тыс. – в вузах⁵. Согласно данным Ассоциации развития синологии (АРС), количество вузов, осуществляющих обучение китайскому языку, составляет 89 (программы подготовки бакалавров – 84 вуза, магистров – 34, специалитета – 5). Кроме того, в России функционирует 19 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция.

Н.А. Самойлов. В настоящее время российское Китаеведение переживает тяжелый, быть может, даже трагический период своего развития. За последние годы ушли из жизни почти все представители старшего поколения отечественных Китаистов, очень печальным в этом отношении оказался прошедший 2021 г. «Среднее» поколение стареет, а притока молодых кадров почти нет. И это притом, что подготовка студентов, изучающих китайский язык в российских вузах, постоянно растет. Однако в науку идут единицы. Особенно тяжелым мне представляется ситуация, складывающаяся в области изучения истории Китая.

Китаисты моего поколения хорошо помнят те времена (1970–1980-е гг.), когда еще будучи студентами или аспирантами, мы приезжали в Москву на конференцию «Общество и государство в Китае» и в переполненном зале слушали блестящие выступления ведущих Китаеведов-историков. Точно так же, при большом количестве участников и слушателей, проходили историографические конференции на Восточном факультете Ленинградского университета. Можно вспомнить десятки имен отечественных Китаистов, изучавших различные периоды истории Китая от древности до современности. В то время Китаеведы существовали в каком-то едином интеллектуальном пространстве. Все знали друг друга, знали, кто чем занимается, хотя Китаеведов-историков было существенно больше, чем сегодня, и занимались они практически всеми периодами истории Китая. Сейчас, казалось бы, технических возможностей стало больше, однако ощущение разобщенности возрастает. Китаеведные центры варятся в собственном соку, научные контакты сократились, нет совместных исследовательских проектов.

Практически перестали выходить фундаментальные монографии по истории Китая (в 1970-е гг. их выходило несколько десятков в год). В Санкт-Петербурге, правда, продолжается работа по переводу и изданию китайских источников, и, что отрадно, к этим проектам удается привлекать молодых Китаистов.

Если современностью и отчасти древностью все-таки у нас занимаются, то молодых людей, кто хотел бы заняться историей династии Цин, почти нет. Никто не хочет изучать новую историю Китая. Когда у нас пытались ввести преподавание маньчжурского языка и даже создать специальное отделение, это не вызвало энтузиазма у абитуриентов и обучающихся. Зачем изучать маньчжурский язык, если он не пригодится в практической деятельности, рассуждают современные студенты. А ведь всерьез заниматься историей цинского Китая и историей российско-китайских отношений невозможно без знания маньчжурского языка и умения читать тексты того времени.

5. Экзамен на знание китайского. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (дата обращения: 07.11.2021).

В.Г. Дацышен. Я хотел бы начать с того, что не согласен с тем, что сегодня ситуация в России намного хуже, чем это было в советское время. Нельзя игнорировать закон о переходе количества в качество. Сегодня сотни тысяч россиян, и детей и взрослых, учат китайский язык. Китайский язык преподается в университетах в большинстве крупных городов России. Даже на завершающем этапе советской истории на востоке – во всей Сибири и на Дальнем Востоке китайский язык можно было изучать только в трех вузах. Сегодня, если не считать проблем связанных с карантинными мероприятиями в связи пандемией, сотни тысяч россиян, взрослые и дети, регулярно посещают Китай, многие живут и учатся там. Без сомнения, запросы российского общества на продукцию отечественного китаеведения, гораздо выше, чем это было в прошлом. Людей, которые могут быть привлечены в профессиональное китаеведение, сегодня в России гораздо больше, чем в прошлом. И последние достижения российского китаеведения в виде масштабных научных и литературных переводов, о чем в советское время и мечтать было нельзя, или появления новых авторитетных научно-образовательных китаеведческих центров в Москве и регионах, где еще 30 лет назад вообще не было ни специалистов, ни традиций, а также стабильные и плодотворные отношения между Россией и Китаем в сложных экономических и политических условиях на протяжении всего постсоветского периода являются в значительной мере отражением высокого уровня российского китаеведения.

В.Я. Портяков. Если сравнивать «по вертикали», то есть хронологически, то последнее двадцатилетие стало самым плодотворным периодом за всю историю китаеведения в СССР и современной России. Подготовлены и опубликованы такие крупные работы, привлекшие внимание международных научных кругов, как документальная история отношений «Коминтерна, ВКП (б) и КПК», «Духовная культура Китая», 10-томная «История Китая». В постсоветский период российское китаеведение вполне адекватно описало и оценило процессы модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости Китайской Народной Республики, эволюцию политической системы страны, развитие российско-китайских отношений. Изучение внешней политики КНР в целом несколько отстает: оно представлено главным образом статьями публикациями при небольшом числе обобщающих монографий, особенно индивидуальных. Свои основные задачи – сохранение и приумножение знаний – российское китаеведение выполнило. Можно сказать, что из всех страноведческих дисциплин в нашей стране именно китаеведение сохранилось лучше всего и оказалось наиболее производительным. Однако еще с одной функцией – подготовкой кадров для обеспечения преемственности поколений и качества работы – китаеведение справилось хуже. Рост числа изучающих в вузах страны китайский язык никоим образом не компенсирует сокращение числа квалифицированных китаеведов. Вполне можно ожидать в самое ближайшее время и на длительный период существенного снижения качества основной массы российских публикаций по современному Китаю.

Сравнение по горизонтали показывает неплохие позиции современного российского китаеведения в мире. По общему количеству соответствующих публикаций, в том числе индивидуальных монографий, Россия, похоже, вполне сопоставима с США, равно как и по числу китаеведов первого ряда (их немного в обеих странах). Уступаем мы лишь по изучению международно-политической проблематики, связанной с Китаем. Все остальные страны, включая лидеров «остального мира» – Германию, Великобританию, Индию – Россия пока еще превосходит. Также вполне сопоставимы объемы и качество российских исследований современного Китая с достижениями китайского китаеведения.

Янь Годун. Я начал изучать российское китаеведение 20 лет назад и много лет занимаюсь подготовкой докторов по этому научному направлению в Нанькайском университете КНР. Изучение российского китаеведения в Китае началось со сбора информа-

ции о зарубежных гуманитарных и социальных науках в 1980-х гг., а затем в конце прошлого века началось систематическое изучение истории развития российского китаеведения. Российское китаеведение отличается как от европейского и американского, так и от восточноазиатского. В течение трех периодов своего развития (царская Россия, Советский Союз и РФ) российское китаеведение продемонстрировало уникальную традицию и отличительные особенности.

В последние годы китайские ученые начали проводить более углубленное исследование достижений российских китаеведов в различных областях науки. В то же время начался перевод и публикация важнейших китаеведческих трудов, из которых большое значение, несомненно, имеют многотомные «Духовная культура Китая» и «История Китая». Эти два монументальных произведения были созданы совместными усилиями сотни выдающихся русских китаеведов трех поколений. Первое представляет собой крупнейшую энциклопедию китайской культуры, а второе – крупнейшую всеобщую историю Китая. Оба привлекли большое внимание китайской научной общественности, перевод и издание их были одобрены Национальным научным фондом социальных наук Китая как крупные проекты, в реализации которых приняли участие более ста высокопрофессиональных китайских русистов.

Нанькайский университет является центром по изучению российского китаеведения. В последние десять лет здесь защищена серия докторских диссертаций по изучению китайской литературы, истории, философии и религии в России, подготовлена группа молодых профессиональных ученых, занимающихся исследованием российского китаеведения. Успешно идет перевод «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», опубликован ряд рецензий, ждут защиты пять докторских диссертаций на эту тему. В общем, когда китайско-русские отношения стали настоящим образцом межгосударственного сотрудничества в XXI в., настал и период самого тесного академического диалога между российскими китаеведами и китайскими русистами.

А.И. Салицкий. Положение дел в российском китаеведении представляется вполне удовлетворительным. В сравнении, например, с отечественной индологией дела вообще выглядят совсем неплохо, особенно по числу и квалификации синологов, количеству и качеству работ. Другое дело – организационные проблемы, о которых сегодня уже говорилось и еще будет сказано.

Есть перемены и в подаче информации для массовой аудитории – о китайской угрозе уже прямо не пишут, но и других «перлов» предостаточно. При этом в большинстве российских СМИ прочно утвердилось *снисходительное, поверхностное* и несколько развязное отношение к Китаю – идет ли речь о проблемах нашего соседа или его достижениях. Для такого взгляда остается все меньше оснований, поскольку в своем уверенном движении вперед КНР нас обходит: в 2015 г. сравнились средние заработные платы в двух странах, а в 2020 г. Китай опередил Россию и по уровню душевого ВВП (по курсу валюты). Цены же в обеих странах примерно одинаковые при куда меньшей инфляции в КНР. Примерно равный уровень благосостояния граждан в обеих странах (при этом Китай относит себя к развивающимся странам), на мой взгляд, благоприятный фактор для развития сотрудничества (включающего и развивающиеся государства), объективной оценки собственных возможностей, но это – отдельная тема.

Последняя новость из Китая – особое внимание к фундаментальным исследованиям, которые получают дополнительное финансирование. Здесь открывается некоторое пространство для плодотворного и долгосрочного двустороннего сотрудничества.

А.В. Виноградов. Состояние российского китаеведения, как и большинства других сфер жизнедеятельности, отражает ситуацию в государстве, которое переживает затяжной кризис. Главная его причина в том, что с «перестройки» в государственной политике прожектерство вытеснило профессионализм и эффективность. Все это сопровожда-

ется упразднением ответственности: очередной реформатор после провала своих начинаний спокойно переходит на новое место, часто с повышением.

Действительно, у российского китаеведения в XXI в. есть достижения, но и «Духовную культуру Китая» и «Историю Китая» написали в абсолютном большинстве ученые, состоявшиеся уже в советский период, которые подводили черту под тем периодом своей деятельности. В определенной степени эти достижения стали следствием ухода государства из науки. Лишившись госзаказа и получив свободу, китаеведы смогли верно определить научные приоритеты и сконцентрировать на них имеющиеся ресурсы. Сейчас этот период по естественным причинам подошел к концу.

После того как государство самоустранилось, направления и школы изучения современного Китая, формировавшиеся с 1950-х годов, разрушаются, китаеведение вновь становится делом энтузиастов, часто финансово независимых и поэтому обладающих исключительным правом выбора тем. Целые направления, в которых заинтересовано китаеведение и должно быть заинтересовано государство, не развиваются. За последние 30 лет в России не было защищено ни одной диссертации по КПК, ее идейно-теоретической платформе, организационному строению и т.д. Зато появились специалисты, пишущие на любые темы, включая КПК. Стоит ли удивляться, что государство потеряло интерес к информационно-аналитическим материалам академических институтов, а затем и к ним самим.

Ситуацию усугубляет кадровая политика, в основе которой тоже часто лежат личные, а не государственные интересы. Министерство назначает руководителями академических институтов (не только ИДВ) не имеющих отношения к проблематике исследований, а иногда и просто случайных людей. Хороший чиновник, как известно, не делает ошибок в стандартных ситуациях, в науке стандартных ситуаций нет в принципе. Поставить «эффективного менеджера» и надеяться на положительный результат глупо. И уж тем более не может человек с более низкой квалификацией руководить специалистами с более высокой. Он может ставить задачи только в соответствии с уровнем своей компетенции или своими интересами. Административный абсурд на практике оказывается формой приватизации науки и научных учреждений. Наука не там, где висит вывеска, а там, где работают ученые, которые теперь имеют право выбора, и лучшие из молодых делают его не в пользу России.

В.Л. Ларин. Дорогие коллеги, у меня возник такой эпиграф к нашему обсуждению, звучит он приблизительно так: «Китаистов – тьма, а поговорить не с кем». Почему я говорю, что «китаистов – тьма»? Потому что, с моей точки зрения, есть принципиально глубочайшая разница между двумя понятиями: китаист и китаевед. Мы сегодня начали с толкования китаеведения. Для меня все-таки слово «веды» – это понимание, знание, глубина и контекст, о котором сегодня многие говорили. Знание языка, как мы все прекрасно понимаем, это только инструмент.

Тысячи человек сегодня изучают китайский язык – не уверен, что это хорошо, в значительной степени это распыление сил, возможностей, денег. Не вижу большого смысла в таком огромном количестве людей, которые изучают китайский язык, а потом его забывают, выйдя из школы. Еще в советское время, далеко не все, кто оканчивал нашу знаменитую девятую школу, шли потом заниматься Китаем. Это большая проблема, особенно для наших территорий, которые расположены рядом с Китаем.

Очень жаль, что сегодня я, по сути, единственный представляю российско-китайское приграничье, для которого отношения с Китаем и изучение Китая не абстрактная потребность, а необходимость. Эту ситуацию хорошо знает А.В. Островский, который регулярно бывал раньше и во Владивостоке, и в Благовещенске, и В.Я. Портяков. Это серьезная проблема, которая, как мне кажется, среди всех существующих проблем наиболее актуальна.

А.В. Островский. В целом, если оценивать состояние российского китаеведения в XX-XXI вв., можно сказать, что оно развивается как пешеходный переход – то темные, то светлые полосы. Сейчас наступила темная полоса, прежде всего потому, что судьба ИДВ как ведущего китаеведческого центра вызывает серьезные опасения.

Говоря о российском китаеведении, следует отметить определенные успехи в изучении китайского языка среди студентов, школьников и даже населения. Однако, несмотря на увеличение подразделений, занимающихся изучением Китая, научной литературы выпускается все меньше, в работах по Китаю в основном преобладает журналистский подход. Меньше стало защищаться диссертаций по различным специальностям, сократилось количество специализированных диссертационных советов, где можно было бы защитить диссертацию. Даже в Институте Дальнего Востока РАН остался лишь один Диссертационный совет по экономике. Нет советов по истории, политике и филологии по простой причине – нет достаточного количества докторов наук-китаеведов. Ситуация усугубляется кадровой политикой. В октябре 2021 г. временно исполняющим обязанности директора был назначен защитивший диссертацию по проблемам африканских языков К.В. Бабаев. По его словам, он знает более 12 иностранных языков, знает украинский, но не знает китайского, не имеет работ по актуальным проблемам развития стран Дальнего Востока.

Как показывает история, даже закрытие одного академического института дорого обходится стране.

В условиях обострения советско-китайских отношений Президиум АН СССР, выполняя Постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1960 г., принял решение 22 июля 1960 г. о преобразовании Института востоковедения и Института китаеведения в Институт народов Азии. Был также закрыт журнал «Советское китаеведение». Внешне безобидная реорганизация двух академических институтов нанесла серьезный удар по китаеведению и повлекла тяжелые последствия не только для развития отношений с Китаем.

В 1964 г. как гром среди ясного неба появилось заявление Мао Цзэдуна о том, что Россия захватила 1,5 млн км² китайской территории, и Китай «еще не предъявил счет по этому реестру». Затем в Китае развернулась «культурная революция» и жесткая внутриполитическая борьба в руководстве КПК. Из-за отсутствия квалифицированного анализа текущей ситуации ЦК КПСС и правительством СССР был принят ряд неверных решений. Позднее, в конце 70-х – начале 80-х гг. в Китае сетовали на то, что «Москва не разобралась с «культурной революцией», не сумела по-умному поддержать Лю Шаоци и Дэн Сяопина. «Китайцы совсем не понимают, почему новую жизнь называют «маоизмом». Советская пропаганда перестает восприниматься»⁶.

Спустя шесть лет после ликвидации Института китаеведения, в 1966 г., было принято решение о воссоздании Института китаеведения АН СССР в новой реинкарнации – Институт Дальнего Востока АН СССР. Поскольку решение о воссоздании Института принималось на уровне ЦК КПСС, то финансовых и материальных ограничений практически не было. Основной проблемой было почти полное отсутствие кадров. После закрытия Института китаеведения многие китаеведы вынуждены были сменить профессию, вузы практически перестали выпускать специалистов со знанием китайского языка, а специалистам со знанием китайского языка находились лишь места стюардесс на международных линиях или референтов со знанием английского языка в торговых организациях.

6. См. об этом подробно: *Шабалин В. Упущенный шанс // Проблемы Дальнего Востока*, 2015. № 2. С. 14.

В марте и августе 1969 г. произошли вооруженные столкновения на границе. В этот момент в США с подачи квалифицированных китайцев и советологов, увидели возможность еще больше обострить отношения между СССР и КНР. В результате в 1972 г. США и КНР подписали «Шанхайское коммюнике», по итогам которого СССР пришлось готовиться к войне на два фронта. Суммарные расходы на оборону на границе с Китаем составили примерно два годовых бюджета СССР. Экономика СССР не выдержала напряжения. Бездумная ликвидация Института китайведения АН СССР в 1960 г. стала одним из важных факторов, способствующих распаду СССР впоследствии. В настоящее время, в условиях быстрой смены технологических укладов и серьезного обострения международной обстановки ситуация еще опаснее.

Во время бесед в Китае китайские ученые на вопрос об их оценке уровня китайведения в разных странах обычно ориентировались не только на количество опубликованных работ, но и на знание китайского языка. По их оценкам, первое место у японских китайцев, которые почти все прекрасно владеют китайским устным и письменным языком, второе – у российских, китайцы прочих стран занимают почетное третье место. В целом, если ориентироваться на два основных показателя – знание китайского языка и количество опубликованных фундаментальных работ по Китаю, следует признать правоту такого рода оценок.

При анализе состояния китайведения в России по-прежнему лидером остаются академические институты Москвы и Санкт-Петербурга, затем Владивостока и Новосибирска. Далее следует Московский и Санкт-Петербургский университеты. Все прочие вузы, где ведется преподавание китайского языка, не имеют серьезных научных достижений в виде фундаментальных трудов и докторских диссертаций. В частности, ВШЭ выпускает большое количество китайцев с дипломами бакалавров и магистров. Однако за последние 10–15 лет этим вузом было выпущено очень мало книг по Китаю. В последнее время вузы выпускают большое количество специалистов со знанием китайского языка. Однако они, как правило, не идут в аспирантуру, и даже в магистратуру, считая это пустой тратой времени, которое никак не отражается на их зарплате.

Отдельно следует отметить работу Фонда Карнеги в России, который время от времени проводит обсуждения актуальных вопросов по проблемам Китая, а также таких организаций, как РСМД, который раз в год готовит большой материал по состоянию российско-китайских отношений.

Состояние мирового китайведения лучше всего можно определить по состоянию дел в такой международной структуре как Европейская ассоциация китайведения (ЕАК). Как показывают программы и сборники материалов конференций, большая часть докладов посвящена проблемам истории, филологии и философии. Проблемы китайской политики, экономики и права затрагиваются на этих конференциях в наименьшей степени.

А.Н. Карнеев. В некоторых публикациях последних лет обсуждается тема того, что, мол, «государство ушло из китаистики», в результате чего нашу сферу скорее можно охарактеризовать как пребывающую в кризисном состоянии.

В целом постсоветский период в России удалось сохранить все основные центры производства знаний в сфере науки о Китае. Произошло даже серьезное количественное развитие таких центров, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, южных, сибирских и дальневосточных регионах России. В ряде случаев появились востоковедные центры там, где этого не ожидалось. Растет интерес к изучению Востока и Китая в частности, что выражается в неизменно высоких конкурсах при поступлении в соответствующие подразделения вузов. В Российской Федерации в настоящий момент имеются 22 вуза, реализующие направление подготовки 58.03.01 Востоковедение и африканистика, как правило, везде, где есть востоковедение, обязательно присутствует китаистика, составляя от одной пятой до четверти востоковедов. По сведениям, приведенным в 2018 г. тогдашним директором департамента государственной политики в сфере высшего образования

МОН А.М. Соболевым, в России на востоковедных программах обучались 5,5 тыс. студентов. В то же время количество людей, изучающих страны Азии и Африки на других программах (международные отношения, политология, история, филология, экономика и т.д.), на порядок больше. Этот быстрый рост количества «знатоков Китая» носит, на наш взгляд, несбалансированный характер: создается впечатление, что изучение Китая растет «вширь», но не вглубь, то есть при этом не происходит серьезного качественного продвижения вперед.

А.В. Ломанов. При обсуждении проблем российского китаеведения следует принимать во внимание изучение современного Китая. Многие исследовательские центры рассчитывают на получение дополнительного финансирования от государства благодаря развитию аналитической работы в сферах экономики, внешней и внутренней политики КНР. Нам следует четко представлять, какой подготовкой и навыками должен обладать исследователь, занимающийся экспертно-аналитической работой на китайском направлении.

В 1940-е гг. выдающийся китаевед В.М. Алексеев пришел к выводу, что профессиональный синолог должен владеть китайским языком для свободного исследования всех китайских источников в полной независимости от переводов и других типов информации из вторых рук. Занятых изучением Китая он разделил на три группы. На первое место он поставил «текстуалистов» или собственно сиологов, способных самостоятельно читать и оценивать подлинность классических текстов. После них он разместил «частичных» сиологов, читающих китайские тексты в «ограниченном подборе»: разговорные, современные, статистические или газетные. В данном случае «частичность» не является синонимом ущербности, поскольку по роду занятий эти исследователи вполне могут удовлетвориться «частичным» навыком чтения китайских материалов. Третья категория – это «писатели о Китае», которые опираются на чужие неполные изложения китайских текстов и оправдывают свое незнание китайского языка рассуждениями о первостепенной важности критики и общей методологии⁷.

В.М. Алексеев настороженно относился к заявляющим о возможности изучения Китая без использования китайского языка. Он предупреждал о «большой опасности, грозящей делу синологии как со стороны лиц, о Китае пишущих, но с китайским языком незнакомых, так и со стороны учащихся, не желающих считаться с серьезным китайским текстом в силу больших затруднений, которые он представляет»⁸. Ученый подчеркивал, что автор, пересказывающий или компилирующий чужие переводы либо пересказы – это именно «писатель о Китае», а не китаист.

Эта оценка сохранила актуальность в наши дни. На фоне заметной рекитаизации современной политики КНР, характеризующейся расширением использования традиционных идей и концепций, синологическая подготовка исследователя становится все более востребованной. Изучение процессов становления «философии и общественных наук с китайской спецификой» требует от зарубежных исследователей соединения узких профессиональных знаний с широким синологическим кругозором. Немногочисленные синологи-«текстуалисты», готовые обратиться к проблемам современности, способны внести значительный вклад в постижение Китая и стать лидерами научных школ.

Основное бремя в проведении исследований современного Китая ложится на «частичных» сиологов со знанием китайского языка. Главной задачей является сохранение этой профессиональной прослойки, её воспроизводство и поддержка. На нынешнем

7. Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 120.

8. Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010. С. 23.

этапе неограниченное расширение влияния «писателей о Китае» способно вызвать негативные последствия в более значительных масштабах, чем прежде. Это связано с качественными изменениями общедоступных западных публикаций о современном Китае, ставших привычным подспорьем для экспертов без знания китайского языка.

Проблемы и кризисные явления

В.Г. Дацышен. Проблемы современного китаеведения неразрывно связаны с проблемами всей российской науки. Сегодня идут негативные тенденции свертывания науки и образования, и в первую очередь в регионах. Закрываются специализированные кафедры, объединяются институты и факультеты. В первую очередь китаеведение, как это ни странно, суживается на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Значительная часть успешных молодых китаеведов, не желающих уходить из образования и науки, вынуждена была переехать из Сибири и Дальнего Востока в Москву.

Ключевой проблемой современной науки и образования является отстранение от участия в управлении университетами ученых. Практически повсеместно руководство университетскими структурами без всякого согласования или демократических процедур передано так называемым «эффективным менеджерам», а точнее далеким от научной жизни, и абсолютно не зависящим от профессорско-преподавательского состава чиновникам. Объективно, руководители поддерживают лишь тот уровень науки и образования, которому они сами соответствуют. Тотальная бюрократизация, придуманная система эффективных контрактов не стимулирует, а препятствует развитию науки и университетского образования. Пока не сформируется система, когда во главе всех научных коллективов встанут авторитетные и признанные этими коллективами ученые, научные коллективы не смогут развиваться и эффективно использовать свой потенциал. Да и студенческие коллективы должны получить право влиять на учебный процесс и кадровую политику.

Существующая система взаимодействия и кооперации университетских и академических ученых-китаеведов не позволяет сохранять единое научное и культурное пространство российского академического китаеведения. Молодые талантливые китаеведы, особенно получившие образование в регионах, в Китае или на Западе далеко не всегда могут приобщиться к российской китаеведческой культуре, получить опыт академической работы. Это препятствует успешному развитию собственно имеющегося академического сообщества и не позволяет молодым и перспективным ученым реализовать себя как китаеведов.

Одной из ключевых проблем российского китаеведения является невостребованность специалистов. Российским чиновникам и связанным с ними бизнес структурам не нужны даже переводчики на переговорах с китайскими партнерами. Не говоря уже об аналитике. Все прекрасно знают, что если есть переводчик, то он обычно воспринимается и используется чиновниками в качестве «помогайки». И это уже уровень государственной политики, обязательного привлечения специалистов при любых видах работ, связанных с Китаем: в государственных СМИ, в вузах, госструктурах и администрациях, правоохранительных и силовых структурах, все, что связано переводом с китайского языка и на китайский язык должно проходить через академически подготовленного специалиста-китаеведа.

К.М. Барский. Следует признать, что кризисные явления в российском китаеведении достигли опасных масштабов и продолжают нарастать. Особое беспокойство вызывает резкое сокращение притока талантливых молодых китаеведов в академическую науку. Меньший дефицит новобранцев из числа китаеведов испытывает государственный аппарат и учреждения образования, но и там существует немало проблем, прежде всего

выражающихся в общем снижении уровня профессионализма поступающих на работу молодых специалистов.

Указанные проблемы обусловлены целым рядом факторов и причин, одной из которых является ухудшение качества преподавания в вузах, где готовят специалистов по Китаю. Современные студенты демонстрируют подчас неплохое владение разговорным китайским языком, но не обладают необходимой глубиной знаний, слабо ориентируются не только в древней, средневековой и новой, но и в новейшей истории Китая. Ощущается отсутствие координации между кафедрами филологии, с одной стороны, и кафедрами, занимающимися преподаванием прикладных дисциплин (история, экономика, внешняя политика Китая).

Серьезным препятствием на пути развития российского китаеведения следует считать утрату доверия к экспертизе китаеведческих центров со стороны органов, отвечающих за выработку внешней и экономической политики России, в связи с невысоким в целом качеством и невостребованной тематикой аналитической продукции, направляемой указанными центрами по запросам или для нужд Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и его экономических ведомств, МИД России. Прискорбно, но на сегодняшний день китаеведческое сообщество не принимает реального участия в выработке внешнеполитических решений в Российской Федерации. Не исключено, что это служит одной из причин наблюдающегося невнимания руководства страны к китаеведению и очевидного недофинансирования научных институтов и вузов, вовлеченных в подготовку кадров китаеведов.

Т.Л. Гуралева. Среди проблем обучения китайскому языку в средней школе в первую очередь необходимо назвать организационно-педагогические проблемы, связанные с решением об отмене обязательного изучения второго иностранного языка в школах с 2021 г., что неминуемо приведет к кардинальному уменьшению изучающих китайский язык как второго иностранного языка, к сведению на нет усилий профессионального сообщества, вложенных в разработку методической базы обучения.

К собственно педагогическим проблемам обучения относится проблема установления предметных результатов овладения китайским языком, определяемых по предмету «Иностранный язык» в ФГОС ООО как «сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на допороговом уровне», по предмету «Второй иностранный язык» как «сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на уровне, превышающем элементарный»⁹, а в ФГОС СОО по предметам «Иностранный язык», «Второй иностранный язык» как «достижение порогового уровня владения иностранным языком» (базовый уровень) и «достижение уровня владения иностранным языком, превышающего пороговый» (углубленный уровень)¹⁰. Такие формулировки довольно сложны в применении к китайскому языку, поскольку действующая ныне шестиуровневая система владения китайским языком, как и приходящая ей на смену девятиуровневая, не оперируют категориями «порога». Невозможность применения «пороговой» парадигмы к установлению предметных результатов в овладении китайским языком, с одной стороны, и значительно более высокая сложность китайского языка по сравнению с европейскими, с другой, не позволили оптимально определить уровень овладения китайским языком в средней школе (в особенности как вторым языком), что привело к его неоправданному завышению, в результате чего учителя китай-

9. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 07.11.2021).

10. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 07.11.2021).

ского языка отмечают недостаток количества учебных часов для освоения материала (как правило, 1 час в неделю для второго языка). В качестве выхода из этой ситуации используется выделение факультативных часов для изучения китайского языка, либо перераспределение учебных часов среди других дисциплин в пользу китайского, либо изучение китайского языка по учебникам более младших классов (например, в 8-ом классе по учебнику 6-го класса), либо использование учебников по китайскому языку как второму для обучения по китайскому как первому. В связи со сложившейся ситуацией, а также с введением нового стандарта уровней владения китайским языком, требуется более точное и понятное определение уровня овладения китайским языком в средней школе и корректировка содержания обучения.

Другой проблемой обучения китайскому языку в средней школе является теоретическое описание китайского языка в школьных учебниках, которое в основном сводится к подбору переводческих соответствий для специфической китайской терминологии и интерпретации специфических явлений китайского языка. Такое описание не всегда представляет собой единую теоретическую систему и в некоторых случаях не опирается на общелингвистические компетенции, сформированные у учеников при изучении русского и других языков, а, наоборот, противоречит им.

В.В. Малявин. Поскольку затронуты вопросы преподавания китайского языка в России, не могу не поделиться некоторыми наблюдениями из личного опыта. Главная проблема здесь, по-моему, заключается в усвоении учащимися тонального рисунка китайской фразы. Без этого они не смогут говорить по-китайски и, как следствие, утратят интерес к Китаю. По разным причинам и китайские, и русские преподаватели не уделяют даже малой части должного внимания к этой проблеме. По собственному опыту могу сказать, что добиться здесь успеха крайне трудно, поскольку русские ученики не имеют никакой опоры в этих усилиях. Чтобы воспитать требуемое здесь внимание и терпение полезно включить в учебную программу изучение основ чисто китайских культурных практик, например: каллиграфии, цигун, тайцзицюань и т.п.

Т.Л. Гурулева. Вузовское обучение китайскому языку тесно связано с научными исследованиями, проводимыми в этой области. По данным APC с 2000 по 2020 гг. было защищено 43 диссертации (2 докторских) по специальности 10.02.19 Теория языка, 20 диссертаций по специальности 10.02.20 Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание, 23 диссертации по специальности 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии, в которых так или иначе упоминается китайский язык. Такое, на первый взгляд, внушительное количество работ все же не способно в достаточной степени удовлетворить остро существующую потребность в системном описании китайского языка, которое необходимо для оптимизации и повышения качества процесса его преподавания в вузе. Во многом это объясняется произошедшим разрывом поколений исследователей, забвением и утратой достижений выдающейся советской школы Китаеведения, в результате чего в большом количестве лингвистических диссертационных исследований в качестве научных руководителей выступают специалисты высокого уровня, но не владеющие китайским языком и, следовательно, неспособные передать и продолжить традиции отечественного Китаеведения. Вследствие этого большое количество работ не обращается к существующему отечественному теоретическому лингвистическому наследию, не использует в качестве теоретической базы труды выдающихся отечественных исследователей китайского языка И.А. Иванова, Е.Д. Поливанова, И.М. Ошанина, А.А. Драгунова, Н.Н. Короткова, В.М. Солнцева, Н.В. Солнцевой, В.И. Горелова, Н.А. Спешнева, С.Е. Яхонтова и др., равно как и новейшие исследования китайских лингвистов, а довольствуются лишь примерами из китайского языка как некой «изюминки», не формирующими системного понимания его типологических особенностей. Из-за проблем в подборе оппонентов многие работы оппонируются не владеющими китайским языком в паре с китайскими учеными

(PhD). Указанная формирующаяся тенденция оставляет за рамками таких исследований немногочисленных, но все же существующих в нашей стране китайстов, способных передать накопленные традиции, не способствует системному описанию и интерпретации китайского языка как языка иной типологии. Одновременно с этим существует и другая тенденция, в рамках которой ведутся исследования китайского языка с учетом накопленного отечественного теоретического опыта, но она крайне немногочисленна. Указанная проблема свойственна и исследованиям в области педагогических наук, которых, в силу недостаточного описания китайского языка, кратко меньше. В период с 2000 г. по 2020 г. защищено 8 диссертаций, непосредственно касающихся вопросов обучения китайскому языку или переводу – 2 по специальности 13.00.01 (Общая педагогика, история педагогики и образования), из них одна докторская, 4 – по специальности 13.00.02 (Теория и методика обучения и воспитания), 2 – по специальности 13.00.08 (Теория и методика профессионального образования).

А.И. Салицкий. Перед партнерами Китая, включая Россию, где китаеведение принадлежит к гуманитарным дисциплинам, встает задача подготовки синологов, имеющих за плечами естественно-научное или техническое образование, особенно в таких отраслях, как энергетика, связь, аэрокосмическая промышленность, фармацевтика. Есть дефицит знающих Китай кадров и в финансовых дисциплинах. В перечисленных отраслях практически нет преподавателей с соответствующей квалификацией, специализированных словарей, методических пособий и т.п. Некоторый опыт был наработан на вечернем факультете Института стран Востока, кое-что делалось в МЭИ – но это крохи.

А.И. Кобзев. Теперь совершенно ясно, что, оказавшись на вышеописанном перепутье, синология, как и все востоковедение, не может сохранять свою первоначальную форму сочетания филологии с историей. Уже на следующем этапе своего развития в результате политической эмансипации, экономического роста и превращения стран давно «проснувшегося Востока» в самостоятельные субъекты глобальных международных отношений востоковедение приобрело политэкономическую отрасль. До недавнего времени эту сложившуюся к середине XX в. триаду (филология с литературоведением и лингвистикой, история с археологией, политэкономия с экономикой) отражали стандарты специализации востоковедного образования в нашей стране.

Несколько лет назад данный образовательный госстандарт пополнился философией, что весьма уместно, но и столь же удивительно по своей запоздалости. Особенно странно это выглядит применительно к Китаю, где философия всегда являлась царицей наук и никогда не была служанкой теологии или религии и где канонами (кит. *цзин* 經) называются философские, а не богослужебные тексты. Объяснение столь поразительной ситуации заключено в старом принципе «метод – аналог предмета»: погруженность философии в стихию «изящной словесности» (кит. *вэнь* 文), которая даже терминологически приравнивалась к «культуристости» (кит. *вэнь* 文), делала ее естественным объектом филологии и лингвистики. Отсюда также понятно, почему крупнейшим достижением отечественной синологии в XX в. стал 4-томный «Большой китайско-русский словарь», удостоенный в 1986 г. Государственной премии.

А.В. Виноградов. Первая и главная проблема – это разрыв поколений. Когда я учился, главной трудностью было изучение китайского языка, страноведческие дисциплины в ИСАА преподавали одни из лучших, если не лучшие специалисты в стране. В дополнение мы изучали марксистскую политэкономию, философию, историю партии, научный коммунизм – все это тоже имело непосредственное отношение к социалистическому Китаю. Благодаря этому мы лучше всех в мире понимали современный Китай. Сейчас рост интереса к его изучению не сопровождается получением адекватных страноведческих и общенаучных компетенций. Преподавателями в большинстве вузов сейчас в лучшем случае являются специалисты по истории, экономике, политической системе в

общем, но не по Китаю. Нет или очень мало учебников. В результате тысячи выпускников хорошо знают китайский, но плохо представляют современный Китай и еще хуже его понимают. Их знания базируются в основном на личном опыте, не являются системными и научными.

Вторая – непрофессионализм. Рост интереса привел к тому, что стали защищаться диссертации по Китаю соискателями без знания китайского языка и китайской научной литературы в советах, где нет китаеведов, с участием оппонентов – некитаеведов и ведущих организаций без китаеведов. Эти диссертации проходят через экспертные советы ВАК, где тоже нет китаеведов. Результаты просто удручающие. Формируется параллельное, псевдонаучное китаеведение, которое начинает себя воспроизводить и агрессивно бороться с научной традицией, доказывать, например, неизбежность победы в Китае западной политической системы, гражданского общества, и отрицать тем самым, что Китай – это целый мир, больше, чем совокупный Запад, со своими законами общественного развития, действие которых подтверждено тысячелетиями.

Тревожнее всего, на мой взгляд, разрушение ведущего китаеведческого центра, китаеведение в ИДВ съезжилось до отдела средних размеров. Ни СССР, ни тем более современная Россия не может позволить содержать несколько первоклассных центров по Китаю. По численности китаеведов, занимающихся современностью, мы всегда уступали США, но за счет государственной политики была достигнута концентрация интеллектуальных ресурсов, в высокопрофессиональной среде вызревали специалисты мирового уровня, которые не уступали, а иногда и превосходили западных коллег. В СССР брали не числом, а умением. Сегодня китаеведы даже в Москве оказались рассредоточены по двум десяткам учреждений, научные школы разрушены, а новые создать удалось далеко не всем¹¹.

В.Я. Портяков. В последнее десятилетие условия проведения в России полноценных крупномасштабных исследований современного Китая резко ухудшились.

Началось все с разгрома Российской академии наук под предлогом ее реформы с формально декларируемой целью соединения вузовской и академической науки. Напомню, что количество публикаций ученых РАН остается кратно выше числа публикаций преподавателей вузов. Германия, имеющая китаеведов в большинстве университетов, тем не менее, создала самостоятельный исследовательский институт «Меркатор» в Берлине, в короткие сроки добившийся весомых результатов и, можно сказать, вернувший страну в число ведущих китаеведческих держав Европы. Негативные последствия для китаеведения будет иметь и ликвидация Российского фонда фундаментальных исследований.

К сожалению, ФАНО, а затем и Минобрнауки ввело практику назначения руководителей ведущего китаеведного центра России – Института Дальнего Востока РАН в Москве – без каких-либо консультаций с ведущими учеными института.

С эпидемией COVID-19 в Китае и прекращением живых контактов с китайскими учеными резко сузилась исследовательская база китаеведов, доступ к свежей научной литературе и периодике КНР практически прекратился.

Антироссийские настроения на Западе проникли и в сферу китаеведения. Российским китаеведам фактически перекрыли доступ к участию в ведущих конференциях по китаеведению, в том числе в Конференциях Европейской ассоциации китаеведения в 2018 г. в Глазго и в 2021 г. в Лейпциге.

11. См. об этом: *Виноградов А.В., Кобзев А.И.* Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. № 6.

К.М. Барский. Одна из проблем российского китаеведения заключается в его замкнутости, неразвитости контактов с китаеведческими школами за рубежом, отсутствие объективной информации о российской синологии в странах Запада. Необходимо утверждать авторитет нашей научной школы за границей, шире пропагандировать наши достижения в деле изучения истории и культуры Китая, продвигать наши научные и методические наработки в области преподавания китайского языка. Популяризация отечественного китаеведения в мировом масштабе должна осуществляться путем кратного расширения числа научных и популярных изданий по Китаю, прежде всего на английском и китайском языках, а также за счет максимально широкого использования в этих целях современных технологий (интернет, социальные сети и пр.).

А.Н. Карнеев. Среди других заметных проблем и трудностей отечественного китаеведения следует выделить:

- недостаточно высокую степень интеграции в мировые процессы и тренды в мировом востоковедении;
- недостаточно хорошо налаженный доступ к современной литературе, к платным базам научных публикаций;
- слабую поддержку со стороны частных компаний и фондов, что частично обусловлено недостаточно серьезным присутствием российского бизнеса на рынках Китая и региона;
- недостаточный гибкий учет особенностей востоковедения как науки поспешно введенной в России наукометрической системой оценки публикационной активности;
- проблемы финансирования: в советские времена китаеведов считали редкими специалистами, их труд считался престижным, следовали доплаты за знание восточных языков и т.д.; сегодня ситуация с оплатой труда, финансированием стажировок, поездок, оплатой членства в международных ассоциациях не внушает оптимизм, статус востоковеда по мере нарастания конкуренции размывается.

В.Л. Ларин. А.Н. Карнеев говорил о необходимости тесной интеграции с мировой наукой, с мировым китаеведением. Мне кажется для нас важнее сегодня наша внутренняя интеграция. Мы реально дезорганизованы, дезинтегрированы. У меня такое впечатление, что и московские китаеведы между собой не часто встречаются. Даже сегодня эта дезинтеграция присутствует на нашем круглом столе. Каждый о своем, кто чем занимается, о своих болевых точках. Но у нас есть одна общая проблема – судьба китаеведения. У меня вопрос: в каких вузах и в каких объемах изучается сегодня *вэньянь*?

А.Н. Карнеев. У нас есть, причем в нескольких подразделениях сразу. В РГГУ есть.

Н.А. Самойлов. На Восточном факультете СПбГУ по-прежнему поддерживаются основы классического китаеведения и продолжается преподавание *вэньяня*, даже читаются со студентами тексты цинского времени на китайском языке.

В.Л. Ларин. Какое может быть китаеведение без знания *вэньяня*?!

Другая серьезная проблема: почему-то в обществе стало считаться, что быть китаеведом, китаистом легко и просто. Сколько у нас доморожденных китаистов, которые спокойно вещают с экрана, несут всякую ахинею на голубом глазу, с полной уверенностью, что они говорят истину. Да, они имеют образование какое-то, прожили несколько лет в Китае, и считают, что они все знают, и всех учат. Одного недавно слышал, который рассказывал, что в ИДВ изучают Конфуция и больше ничего не знают, а он должен за всех работать. Меня это, пожалуй, больше всего тревожит.

Еще одна серьезная проблема – востребованность. Мы много можем говорить о проблемах. Они в большинстве своем не решаются до тех пор, пока кто-то наверху не скажет, что нам китаеведение действительно необходимо. А сейчас давайте зададимся вопросом, если мы будем какие-то предложения давать, то к кому обращаться? К власти? Там все хорошо, у нас лучшие отношения в истории, нам все понятно, мы сотрудничаем, у нас дружба и т.д. К бизнесу? У бизнеса свои интересы, у него есть круг хорошо опла-

чиваемых специалистов, которые занимаются узкой тематикой, решают свои узкие проблемы. К министерству? Я уверен в том, что министерству наши заботы абсолютно не интересны. У них другие задачи, другие параметры, по которым они оценивают деятельность факультетов, кафедр, институтов, которые готовят востоковедов и китаеведов. Среди этих параметров качество образования далеко не на первом месте.

Я два года назад прекратил преподавать на Восточном факультете университета. Мне надоели две вещи. Во-первых, приходя на третий курс, видеть абсолютно неподготовленных так называемых китаеведов. Одним из первых вопросов, который я задавал, был такой: «Ребята, а кто из вас читал Конфуция?» На 3-4 курсе – ни один человек.

Во-вторых, когда пытаются навязывать непонятные, выдуманные курсы, тогда как классическая история в ДВФУ всего 1–2 семестра. Когда мы учились, у нас китайская история начиналась на 1-м курсе и заканчивалась на 5-м курсе. А что они сейчас знают? Знают они философию? Не знают. Знают они литературу? Не знают. Кого вы читали из китайских писателей? Никого.

Это комплексная проблема, которая связана с постановкой задач на самом верху, и с тем как эти задачи реализуются в рамках той организации, которая отвечает за подготовку востоковедов.

Кого мы сегодня можем брать в аспирантуру? Единицы из молодежи, которые приходят, приходится учить чуть ли ни с нуля, и доучишь ли, это большой вопрос. Не менее сложная ситуация в Благовещенске, там хорошие есть ребята, но оттуда потихонечку уезжают, они сегодня очень активно работают с китайцами, но меньше сотрудничают с Москвой, Питером и Владивостоком. Интеграция внутри страны – одна из первых задач, которая у нас сегодня стоит.

Отсутствие классического востоковедного образования, которое сегодня, мне кажется, уничтожено усилиями определенных людей. Это касается не только китаеведения. У нас та же ситуация с японоведением, с корееведением, с вьетнамоведением. Это касается всего востоковедения.

Только наверно тогда, когда у нас испортятся отношения с Китаем, грянет 1969-й год, то схватятся за голову, начнут создавать Институт Дальнего Востока, открывать Восточный факультет во Владивостоке и т.д. Пока все хорошо – кадры не нужны. Как только становится плохо, тогда вспоминают.

А.В. Лукин произнес фразу про «идеальное китаеведение». Мне кажется, сегодня нам не до идеалов. У нас нет ни сил, ни средств, ни возможности, которые позволяют думать об идеальном китаеведении. Мне кажется, что это обсуждение должно стать первым обсуждением такого характера. Его можно развить не только на китаеведение, но и на те направления востоковедения, которыми мы занимаемся, на всю Восточную Азию как единое целое. Это должно касаться и японоведения, и корееведения, и изучения Юго-Восточной Азии.

А.В. Островский. В настоящее время в результате реформы РАН под угрозой ликвидации находится ведущий институт российского китаеведения – Институт Дальнего Востока РАН. Как известно, в выборах директоров академического института участвуют не только научные сотрудники, а все сотрудники института, большинство которых имеют весьма отдаленное представление об уровне научной квалификации кандидатов в директора института. Это льет воду на мельницу чиновников из Минобрнауки РФ, которым не нужны директора институтов – известные ученые, имеющие большой авторитет за рубежом, а нужны чиновники, соответствующим образом перераспределяющие финансовые потоки. Отсюда и большое количество директоров академических институтов – докторов и даже кандидатов наук моложе 60 лет, которые лояльны чиновникам из Минобрнауки РФ. В результате этой политики Институт Дальнего Востока РАН теряет свои позиции ведущего экспертного Центра по Китаю, и заменить его пока нечем. Это в пер-

спективе может привести к таким же политическим последствиям для России как для СССР в 60–70-е гг.

За последние 10 лет после «реформы РАН», когда Российская академия наук утратила возможность контроля за научными исследованиями, в том числе за развитием китаеведения, в нем возникли новые проблемы, существенно более острые, чем в 60-е гг. XX в. На передовые позиции в китаеведении, да и в других гуманитарных науках выдвинулись так называемые специалисты по глобальным проблемам, не знающие китайского языка, китайской истории, философии, экономики и права. Организуется большое количество обсуждений по китайской тематике, однако почти все участники таких обсуждений имеют весьма отдаленное представление о Китае.

В январе 2017 г. в Президиуме РАН под руководством президента РАН академика В.Е. Фортова состоялось обсуждение моего доклада «Реализация китайской инициативы «Пояс и Путь». Поразила слабая осведомленность участников о реальной ситуации в Китае. В большей части выступлений была открытая недооценка результатов китайских реформ, говорилось о нереалистичности китайской инициативы «Пояс и путь», неверие в возможность реализации этой инициативы. С той поры прошло пять лет, и заметно, что эти инициативы уже во многом реализованы, Китай стал одним из мировых лидеров и центров силы. Такое развитие событий вынуждает уделять особое внимание китаеведению и усиливать это научное направление.

Роль Китая в мире с каждым годом возрастает. Появляются все новые и новые проблемы развития Китая – энергетические, экологические, экономические, политические, социальные. При этом количество ученых-китаеведов, занимающихся проблемами Китая, с каждым годом уменьшается также как и объем государственного финансирования. Несколько лет назад в рамках Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН существовала группа по исследованию проблем развития научно-технического прогресса в Китае, с 2020 г. Министерство перестало финансировать эту тему как неактуальную. В ИДВ РАН, который воссоздавался в 1966 г. как чисто китаеведный институт, насчитывалось свыше 300 научных сотрудников, в настоящее время осталось лишь 80, из которых Китаем занимается не более 50 человек. Из 11 научных центров ИДВ РАН лишь 5 научных центров занимаются проблемами Китая. При этом значительная часть научных сотрудников слабо владеют, а то и вовсе не владеют китайским языком.

В этой ситуации необходимо усилить руководящую роль Института Дальнего Востока РАН как ведущего китаеведного центра страны за счет привлечения кадров из различных учреждений и регионов страны и выделить целевые средства из государственного бюджета на развитие российского китаеведения. В противном случае Россия окажется не в состоянии отвечать тем вызовам на мировой арене, которые уже существуют, и новым вызовам, которые будут появляться, в том числе со стороны Китая.

Вызовы отечественному и мировому китаеведению XXI в.

А.Н. Карнеев. Конечно, мы должны констатировать важные сдвиги в мировом востоковедении и соответственно, китаеведении: на фоне растущей специализации исследований происходит фрагментация востоковедения как единого исследовательского поля, бурно развивающиеся междисциплинарные взаимосвязи приводят на самом деле к разнонаправленным тенденциям, что подразумевает как развитие востоковедных компетенций, так и «миграцию» исследователей из востоковедения в смежные области.

Происходит развитие не-западных школ востоковедения в таких странах как Китай, Япония, Сингапур, Индия, Таиланд и др., а также *ориентализация* западного сегмента Asian Studies (растущее количество выходцев из соответствующих азиатских стран занимают позиции в университетах). Если раньше мировое востоковедение прежде всего

было взглядом европейских и американских ученых на цивилизации и культуры Востока, то теперь одной из магистральных тем становятся Asian Studies in Asia. Пекинский университет, например, недавно открыл образовательную программу Chinese Studies.

Дигитализация востоковедения как и всех гуманитарных наук в целом, открывает новые возможности, но и ставит на повестку дня необходимость освоения новых компетенций в подготовке востоковедов. В частности, целесообразно формировать (не только у студентов) навыки работы с массивами данных на восточных языках (*парсинг* и т.д.) для формализованной обработки источников, навыки работы в социальных сетях на восточных языках и т.д. COVID-19 уже серьезным образом изменил способы нашей работы, ускорив процессы цифровизации и дигитализации. Понятно, что общение через различные инструменты удаленного доступа станет постоянной частью общения с коллегами и со студентами. Больше место займут онлайн-курсы, машинный перевод и т.д.

А.И. Кобзев. Следуя этой традиции и логике событий, можно предположить, что востоковедение должно и дальше дифференцироваться, устраняя очевидные структурные пробелы вроде отсутствовавшего философского подразделения или уже явно заждавшегося подобной кодификации искусствоведения и реагируя на новые вызовы времени, например, созданием востоковедной информатики, обусловленной появлением информационных цифровых технологий с использованием восточных алфавитов и иероглифики.

С другой стороны, тот же самый процесс порождает прямо противоположные выводы, при реализации которых востоковедению грозит судьба короля Лира. С этой точки зрения синтетичность/синкретичность (комплексность, мультидисциплинарность/междисциплинарность или надотраслевой характер) востоковедения представляется не достоинством, соответствующим синтетичности/синкретичности предмета, а свидетельством его неразвитости, реликтом первичной недифференцированности, при устранении которой, т.е. переходе востоковедной проблематики к соответствующим общечеловеческим наукам, оно как таковое перестанет существовать. Похожие прогнозы о распадении философии в совокупности наук высказывались в XIX в. позитивистами и марксистами. То, что они не сбылись, разумеется, еще не означает несбыточность их аналогов в данном случае.

В XXI в. присоединение епархий востоковедения к другим научным царствам стимулируется самим его развитием, приводящим к такому уровню специализации, при котором все единство сводится только к знанию того или иного восточного языка. Такое необходимо, но достаточно ли? Или следуя китайской традиции, надо признать, что совершенное владение языком тут равносильно знанию соответствующей культуры? Но тогда нужно определить критерии такого «совершенного знания языка», которое, очевидно, не сводится к свободному говорению на популярные темы и чтению газет. В свою очередь, современные цифровые технологии позволяют значительно компенсировать сложность обработки стремительно увеличивающегося и дифференцирующегося объема информации и также поддерживать целостность любых отраслей знания.

Целостность и даже универсальность востоковедения в наши дни стимулируется и стремительно нарастающей универсализацией геополитической роли ведущих стран Востока, становящихся центрами принятия судьбоносных для всего мира решений в самых разных областях человеческой деятельности. С этой точки зрения трудно переоценить всю значимость решения уже давно перезревших проблем отечественного китаеведения, которые благодаря современным СМИ и словоохотливым популяризаторам синологии теперь хорошо известны не только специалистам, но и широкой общественности.

А.В. Ломанов. Вызовом для профессионального сообщества стала необходимость заниматься изучением и преподаванием проблем современного Китая в условиях новой холодной войны. Запад не скрывает заинтересованности в ослаблении российско-китайского сотрудничества, там ставят задачу находить и максимально расширять «тре-

щины» в фундаменте взаимодействия Москвы и Пекина. Летом 2021 г. американский аналитик Чарльз Капчан рекомендовал постоянно напоминать России об асимметричности её отношений с Китаем, об угрозе превращения в «младшего партнера» Китая, напоминая на то, что подобный статус будет подрывать авторитет российского руководства внутри страны. Наиболее перспективными с точки зрения дискредитации партнерства с Китаем в глазах российских элит американский эксперт назвал темы привлечения Пекина к переговорам о контроле над стратегическими вооружениями, расширения китайского влияния в Арктике, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке¹².

Односторонняя опора на западную политическую публицистику способна привести к некритической трансляции сформулированных в контексте политики сдерживания рассуждений о стремлении Пекина «разрушить мировой порядок», «экспортировать социализм», «загнать партнеров в долговые ловушки», «развязать гонку вооружений». Аналитическая ценность российской традиции самостоятельного изучения идеологии, политики и экономики Китая существенно повышается.

Опыт зарубежного изучения современного Китая демонстрирует, что цементирование «антикитайского консенсуса» на уровне политической элиты начинает все более заметно влиять на взгляды интеллектуальной элиты. Симпатия к Китаю вышла из моды и стала несовместимой с приверженностью основному течению. И это касается не только Китая. Немецких экспертов, публично выражающих симпатии в адрес России и её президента, называют ныне «понимающими Россию» (*Russlandversteher*) и «понимающими Путина» (*Putinversteher*) не для выражения уважения к их познаниям, а для критического осуждения их позиции. «Понимать» Китай или Россию становится некомфортно и невыгодно, поскольку сочувственная позиция чревата утратой общественного авторитета, финансовой поддержки и карьерных перспектив. Профессиональные синологи, занятые изучением истории, литературы и культуры традиционного Китая, пока еще достаточно отдалены от этих перемен. Хотя уже заметно стремление некоторых зарубежных исследователей на злобу дня отыскать следы «завоевательного колониализма» в истории Китайской империи.

Прежде авторитетные зарубежные платформы все чаще публикуют материалы о современном Китае, не отличающиеся взвешенностью и объективностью. На сайте *Foreign Affairs* появилась статья о том, что Китай вышел на «пик развития». Его время якобы уже на исходе, ресурсы в дефиците, наступает демографический коллапс, правительство скрывает информацию о серьезном торможении экономики, страна катится к тоталитаризму, а внешний мир относится к Китаю без прежнего дружелюбия. Предполагается, что переход от головокружительного взлета к жесткому падению приведет к трагическим последствиям, если оказавшийся в тупике Китай встанет на путь агрессии¹³.

Можно предположить, что подобные рассуждения связаны, прежде всего, с борьбой за утверждение в западном экспертном сообществе норм «антикитайского консенсуса», нежели чем со стремлением к трезвой оценке перспектив развития КНР. Использование концепции «пика развития» Китая для разработки российской политики на

12. *Kupchan, C.A.* The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage // *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (дата обращения: 15.11.2021); Пер. на рус. яз.: Капчан, Чарльз. Правильный способ развести Китай с Россией // *Россия в глобальной политике*. 09.08.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sposob-razvesti-kitaj-s-rossiej/> (дата обращения: 15.11.2021).

13. *Beckley M., Brands H.* The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World // *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise> (дата обращения: 15.11.2021).

китайском направлении и прогнозирования российско-китайских отношений способно породить серьезные и дорогостоящие ошибки.

Осенью 2022 г. должен состояться XX съезд КПК. В связи с этим событием в центре внимания будет находиться вопрос о сменяемости и преемственности китайского руководства. Нетрудно предсказать подъем на Западе волны разоблачений «тоталитарной власти» КПК и рассуждений о «возвращении в эпоху Мао Цзэдуна». В прежние десятилетия в западной журналистике можно было найти интересные политические факты и гипотезы, которые отсутствовали в публикациях о Китае российских СМИ. Западные корреспонденты поддерживали тесные контакты с китайскими элитами, получали закулисную информацию о непубличных дискуссиях и грядущих кадровых переменах. Эта эпоха ушла в прошлое, пространство для деятельности западных журналистов в Китае стало более узким и контролируемым. В итоге идеологической критики в адрес китайской политики в западных СМИ стало больше, а фактической информации – намного меньше.

Знаковым событием стало исчезновение гонконгских политических журналов, публиковавших материалы о событиях в КНР. Представляется, что проблема не только в том, что центральная власть навела порядок в Гонконге, ведь эти издания могли бы переместиться на Тайвань или в США. Судя по всему, наступил кризис жанра, когда вслед за усилением внутреннего контроля над китайской политической элитой исчезла практика «слива» политической информации для зондирования реакции внешнего мира.

Происходящие перемены подчеркивают важность исследовательской работы с китайскими материалами. В открытом доступе в китайском интернете можно находить статьи из основных газет и ведущих партийных изданий. Необходимые для научной работы материалы китайской академической и вузовской периодики интегрированы в электронную базу данных «Чжунго чживан» (China National Knowledge Infrastructure\CNKI) и могут быть получены лишь в рамках платной подписки. Для снятия этого барьера необходимо целевое бюджетное финансирование, аналогичное практике подписки российских научных организаций и вузов на западные базы данных. Одновременно следует помнить о подготовке исследователей, способных грамотно ориентироваться в материалах современных китайских общественных наук, включая экономическую науку и исследования международных отношений.

А.В. Островский. В настоящее время наиболее активно работающими китаеведами в США являются либо китайцы, много лет проживающие в США, либо китайские эмигранты, оставшиеся в США после обучения в американских университетах. В европейских странах в последнее время увеличилась численность китаеведов, которые изучают проблемы китайского языка, истории, философии, лингвистики, где требуется знание китайского языка. Большая часть европейских китаеведов (также как и американских) женаты на китаянках или замужем за носителями языка.

А.В. Виноградов. 30–40 лет назад изучение Китая, Индии, Японии было экзотикой, уделом избранных. В глобальном мире это уже повседневная реальность для многих людей, а не только для специалистов, и у каждого из них есть собственное мнение. Оно превращается в проблему, когда начинает циркулировать в новых средствах массовых коммуникаций и становится влиятельным, оставаясь непрофессиональным. Десятки, если не сотни телеграм-каналов сегодня аккумулируют большое количество молодых и активных китаеведов, которые в совершенстве владеют новыми возможностями сбора и обмена информацией и оказывают серьезное влияние и на общественное мнение, и на власть. Китаеведы старшего поколения в большинстве не участвуют в этой самостоятельности, признают другие критерии признания и профессиональной оценки, и уступают место. Считать их реликтами тем проще, что глубокое и сложное знание невозможно изложить телеграфным стилем и понять в перегоне метро или на светофоре. Известен не тот, кто знает, а тот, кого знают, и это кратчайший путь к влиянию. Фундаментальное

знание всегда имеет небольшую аудиторию и не может существовать в рыночных условиях без целевой поддержки.

Информация была и остается основой всякого знания, но еще 30 лет назад сбор первичной информации был очень трудоемким и требовал специальных навыков и особой квалификации. Сейчас в информационном мире доступность информации лишила значительную часть китаеведов монополии на ее владение. С другой стороны, рост объема информации не привел к росту понимания, разрыв между фактическим знанием и пониманием стал еще очевиднее. И если в изучении традиционного Китая владение фактической информацией по-прежнему является критерием принадлежности к корпорации, то применительно к современному Китаю, это уже не так. Думаю, подмена понимания знанием фактов – это общая проблема для любого страноведения, которая обостряется.

Конечно, смена поколений неизбежно ведет к новой парадигме знания, но она будет нежизнеспособной, если естественным образом не впитает традиции. В то же время надо признать, что изучение таких проблем и явлений как цифровое общество, социальные последствия искусственного интеллекта, новые формы общественной жизни и т.д., вероятно, все же удел тех, кто принадлежит этому миру, у них есть свое, эксклюзивное поле для исследований.

Следствием проблемы поколений и маркетизации знаний стало разделение на ученых и экспертов. В советский период существовала фундаментальная наука и механизмы ее трансляции. Политические обозреватели в СМИ, часто с учеными степенями, интересно и доступно объясняли гражданам, что происходит за рубежом, консультанты ЦК, ученые – руководству страны. Сейчас эксперты – самостоятельная категория, не испытывающая ограничений со стороны науки. Массовостью и активностью они составили конкуренцию и отсекали профессиональных китаеведов от возможности прикладного использования своего знания и, как следствие, значительной доли востребованности, влияния и финансирования.

А.В. Ломанов. Начинающим китаеведам необходимо изучать истоки. При этом следует принимать во внимание не только «дальние» истоки китайской культурной традиции, отдаленные от нас на тысячелетия, но и «ближние» истоки китайской политической традиции нового времени. В советский период отечественные исследователи поневоле были знатоками теории марксизма-ленинизма, научного коммунизма и партийного строительства. Осознание «китайской специфики» во многом опиралось на этот фундамент, которому зачастую остро недоставало познаний современных западных теорий. Теперь студенты впитывают «китайскую специфику» с опорой на западные концепции и методы без знания марксизма, сохраняющего роль краеугольного камня китайской политической идеологии. Нужно найти возможность заполнить этот пробел в отечественных образовательных программах.

Западные публикации не станут тут надежной подмогой. В последние три-четыре года в них заметно преобладают рассуждения о том, что Китай при Си Цзиньпине «пошел в неправильном направлении» и «остановил реформы». На деле речь идет не о Китае, а о фундаментальной ошибке западной транзитологии, утверждавшей, что неизбежным результатом экономического подъема станет политическая демократизация. Вместо слома старой системы в Китае произошли рецентрализация власти в руках КПК и реидеологизация общественной жизни. Оценка этих тенденций с точки зрения западного мейнстрима, согласно которой отсутствие продвижения в сторону либерализации, маркетизации и приватизации означает «прекращение реформ», является слишком упрощенной и поверхностной. Для успешного развития партнерства с Китаем российским элитам нужно обладать собственными глубокими и адекватными знаниями о соседней стране.

Ситуация нуждается в незамедлительном выправлении

К.М. Барский. Ситуация нуждается в незамедлительном выправлении. В российском Китаеведении остро назрели перемены, и затронуть они должны все его составляющие.

Как представляется, прежде всего необходимо разработать и принять комплексную правительственную программу развития отечественного Китаеведения, которая была бы подкреплена соответствующим финансированием. Важно, чтобы реализация этой программы была поручена специально созданному для этой цели правительственному органу и строго контролировалась.

Требуется существенное увеличение бюджетных ассигнований на нужды ведущих научных и образовательных центров Китаеведения, в первую очередь ИДВ РАН, ИВ РАН, МГИМО (У) МИД России, ИСАА при МГУ, Высшей школы экономики, СПбГУ, ДВФУ, Дипломатической академии МИД России и др.

Одновременно было бы важным выделить средства из бюджета Российской Федерации на создание сети новых Китаеведческих центров в крупных городах России, прежде всего на Дальнем Востоке и в Сибири. Для всестороннего изучения Китая и подготовки достаточного числа высококвалифицированных Китаистов, тем более с учетом масштабов нашей страны, количество синологических учебных и научных центров соответствующего уровня должно превышать ныне существующее в несколько раз.

Задачи развития Китаеведческих центров могут решаться в том числе и на началах государственно-частного партнерства, за счет поощрения предпринимательской инициативы. Следует стимулировать российское бизнес-сообщество к оказанию содействия государству в решении насущных проблем деятельности научных центров и вузов, материальном обеспечении молодых ученых и практиков, их закреплении на китайском направлении, учитывая, что научные центры могут впоследствии выполнять заказы российских компаний, связанные с Китаем, а часть выпускников вузов – пополнять ряды высококвалифицированных сотрудников указанных компаний со знанием китайского языка, экономики и рынка КНР.

Ключевыми темами научных исследований в современных условиях должны стать:

- функционирование системы власти, борьба и взаимодействие элит, общественно-политические процессы в КНР и прогноз их развития, динамика структуры китайского общества, существующие и потенциальные социальные проблемы;
- оборонная политика КНР, наращивание ядерного потенциала, разработка Китаем новых видов вооружений, ситуация в Тайванском проливе;
- успешный опыт и проблемы в развитии китайской экономики, развитие новых процессов и формирование новых отраслей экономики (искусственный интеллект, информационные технологии, биотехнологии, «зеленое» развитие, возобновляемая энергетика и пр.);
- внешняя политика КНР с акцентом на изучение тенденций развития китайско-американских отношений, политики КНР в Евразии, прежде всего в регионе Центральной Азии, и в АТР;
- внешнеэкономическая стратегия КНР, прежде всего политика Китая в вопросах региональной интеграции и осуществление программы «Один пояс, один путь»;
- российско-китайские отношения с упором на инициирование и экспертную проработку перспективных направлений и конкретных проектов двустороннего сотрудничества.

Принципиально важным является обеспечение преемственности российской Китаеведческой школы, передача эстафеты новому поколению российских Китаеведов. Одной из форм такой работы могло бы стать создание «мастерских» при выдающихся ки-

таеводах старшего поколения, регулярное проведение специализированных мероприятий по образцу знаменитого «семинара С.Л.Тихвинского».

Огромная роль принадлежит работе по увековечению памяти великих китаеведов прошлого, изучению и распространению их выдающегося наследия. Особое внимание следует уделить изучению истории российского практического китаеведения. Изучение истории посольства Российской империи/СССР/Российской Федерации в Китае, российских консульств и торговых представительств в Китае должно стать самостоятельным направлением отечественной синологии.

Повышение уровня преподавания китайского языка, унификации методологии обучения, издание новых учебников, повышение квалификации преподавателей – все это должно находиться в фокусе внимания соответствующих органов исполнительной власти и руководства учебных заведений. Предметом особой заботы государства должна служить подготовка высококвалифицированных переводчиков, прежде всего устных и синхронных переводчиков высшего и высокого уровня.

Целесообразно обеспечить грантовую и иную поддержку деятельности Общества российско-китайской дружбы и его региональных отделений, вовлечение широких слоев населения России, прежде всего молодежи, в общественные проекты, связанные с Китаем, и в дело развития народной дипломатии.

Очевидно, что меры по укреплению отечественного китаеведения и решению стоящих перед ним первоочередных задач должны быть предприняты незамедлительно, пока не отошло от активной деятельности поколение ученых и преподавателей, которые участвовали в создании советской школы китаеведения или учились у ее великих представителей. Промедление чревато разрывом в цепочке передачи знаний и разрушением преемственности, после чего можно будет констатировать, что исконно российское китаеведение перестало существовать.

А.И. Кобзев. Нужда в комплексном Институте китаеведения по прошествии шестидесяти с лишним лет после его странной ликвидации не только никуда не делась, но и обострилась настолько, насколько с той поры увеличилось значение Китая. Более того, эвфемистическое название Института Дальнего Востока, призванное суеверно скрыть сакраментальное имя «раскольнического» государства, ныне выглядит идеологическим анахронизмом и алогичным дублированием в соотношении с названием Института востоковедения, который, безусловно, также занимается Дальним Востоком как неотъемлемой и в разных аспектах важнейшей частью Востока. Малоудачным подходом к решению этой проблемы стала недавняя попытка переименовать Институт Дальнего Востока РАН в Институт Китая и современной Азии, что вновь может побудить китайцев задуматься: не исключают ли их из Азии или из современности, и по зрелом размышлении сделать очередной политико-лингвистический реприманд.

Между тем еще десятилетие назад при получении Государственной премии я письменно обратился к тогдашнему президенту страны Д.А. Медведеву с предложением об усовершенствовании российского китаеведения. Оно было резолютивно одобрено, но реализовано лишь частично и, в частности, включало следующий пункт: «Объединение всех значительно оскудевших сил отечественной синологии (в России и за рубежом) в рамках Синологической академии – принципиально нового, опирающегося в первую очередь на электронные средства коммуникации, института с научно-исследовательскими, культурно-просветительскими и педагогическими функциями, восполняющими разительную недостачу в российском синологическом образовании таких основополагающих для специальности курсов, как история китайской философии, история китайского

искусства, архаические и стилизованные формы иероглифов, иероглифическая специфика оцифровки информации и др.»¹⁴.

В современном Китае старейший принцип «кадры решают все» более чем злободневен. Решить эту задачу нельзя без высококвалифицированных специалистов, для подготовки которых в следующем обращении к руководству страны в 2013 г. я предложил создать синологический аналог Инновационного центра «Сколково», объединяющего научно-исследовательские и учебно-просветительские задачи.

Это должен был быть компактный вуз-НИИ (научно-образовательный комплекс/кластер) с:

1) набором высокоодаренных студентов (например, по олимпиадной системе Физтеха) и специальной довузовской подготовкой (например, в старейшей, открытой в 1956 г. одновременно с ИВЯ/ИСАА МГУ, школе-интернате с углубленным изучением китайского языка № 11, к 2013 г. оказавшейся на грани уничтожения, а ныне выживающей как структурное подразделение СОШ № 1517);

2) особой языковой подготовкой, обусловленной спецификой языка и письменности (иероглифики) принципиально иного типа;

3) классическим синологическим образованием, пока полноценно не представленным ни в одном российском вузе;

4) соединением китайского и других восточных языков с естественнонаучным образованием, чего у нас нет и в помине, даже как специализации, и что является вредным наследием недаленовидного европоцентризма, которое может аукнуться в будущем катастрофическим столкновением со стремительно развивающимися на Дальнем Востоке новыми технологиями;

5) привлечением к педагогической и научно-исследовательской деятельности лучших отечественных и мировых специалистов не только прямо в штате, но и косвенно – через индивидуальные программы студентов, по болонской системе обучающихся в других вузах, практику старшекурсников в базовых организациях (система Физтеха), дистанционное обучение, заграничные стажировки и др.;

6) непрерывной линией уникального образования от школы до аспирантуры,

7) особым правовым статусом бюджетников, обязанных согласно договору несколько лет после окончания отработать по распределению;

8) системой организационных связей с профильными учреждениями в РФ, Китае, сопредельных ему странах и государствах с традиционно развитой синологией, в том числе на основании обмена студентами и преподавателями;

9) повышенно комфортной, интеллектуальной и информационно продвинутой средой проживания и обучения, включающей в себя не только удобный кампус и техническую оснащенность аудиторий, но и доступность общекультурных как минимум библиотечных и музейных, ценностей (в соответствии с профилем, возможно, в бывшем Институте им. Сунь Ятсена на Волхонке, где синологические традиции соседствуют с центром русской духовности и культуры).

Для осуществления данного плана, сопоставимого с организацией Царскосельского лицея, столь благотворно повлиявшего на судьбу России, необходимо:

1) утверждение его как национального проекта;

2) придание планируемому учреждению особого статуса, наподобие МГУ или СПбГУ;

3) создание авторитетного наблюдательного и экспертного советов;

14. См. об этом подробно: *Кобзев А.И.* «Столкновение цивилизаций» и «диалог культур» // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова / Сост. *Ю.В. Чудодеев*. М.: Наука, 2011. С. 14–15.

4) адекватное выделение государственных (с отдельной строкой в бюджете) и привлечение внебюджетных средств (помимо решения стратегических задач, проект окупаем сопоставимой стоимостью выпускников на международном рынке труда). Этот проект также был воспринят положительно, спущен в профильное министерство и благополучно почил в бозе.

Очевидно, что пришла пора вернуться к данному проекту именно сейчас, когда с невиданными ранее скандалами в академических институтах и ведущих вузах, в том числе ответственных за востоковедение и синологию, начала осуществляться новая и, возможно, чреватая самыми грандиозными последствиями реформа науки и образования в России.

А.В. Лукин. Создается большое противоречие между плачевным состоянием российского китаеведения и объективно растущей необходимостью изучать Китай. Хотя и руководство страны, и крупный бизнес вроде бы понимают, что его надо изучать просто по практическим соображениям. Однако при этом одной частью головы это понимая, государство фактически разрушает даже существующую структуру. И это очень странно. Поэтому нам нужно объединиться, чтобы ему как-то объяснить, какой должна стать эта структура исследований Китая для того, чтобы, с одной стороны, удовлетворить государственные интересы страны, а с другой, чтобы Россия могла гордо сказать, что у нее существует и фундаментальное китаеведение, что она занимает передовые позиции в мире в области изучения соседней страны, которая для нее имеет огромное значение и которая сегодня привлекает внимание всего мира. А ведь она занимала эти позиции в XVIII и XIX вв. и даже частично в XX в.

При этом не нужно заниматься гигантоманией, создавать какие-то новые громоздкие структуры, какие-то там новые консорциумы и конгломераты. Это может быть воспринято в обществе как стремление контролировать новые финансовые потоки без реального результата. Сейчас такой подход не вызовет большого энтузиазма в условиях, когда и саму Академию наук чиновники, в общем-то, считают отжившей. Саму идею необходимости фундаментальной науки они на словах признают, но на практике финансировать такую науку отказываются. Поэтому я бы предложил, как говорили советские лидеры, кадрово и финансово укрепить существующую систему. Сегодня же вместо этого руководителями научных институтов часто назначаются люди некомпетентные, никому неизвестные в своей области, без консультации с РАН и научным сообществом, и это несмотря на то, что президент страны постоянно говорит, что с научным сообществом надо советоваться. На наших глазах это произошло в ИДВ и Институте философии РАН, хотя в последнем эту атаку невежества вроде бы пока удалось отбить.

В этой ситуации нам, специалистам-китаеведам из разных сфер, вузов, научных институтов и практических организаций, необходимо подумать сообща, каким образом представить руководству страны такие предложения, которые были бы приемлемы, реалистичны, укрепляли бы существующие научные центры, создавали бы вокруг них общероссийскую интеллектуальную и материальную инфраструктуру и таким образом продвигали китаеведение на благо нашей родины и мировой науки.

В.Я. Портяков. Для минимально необходимого выправления ситуации, недопущения скатывания российского китаеведения до уровня тотальной некомпетентности предлагаю следующее:

1) закрепить приоритет исследований в Институте Дальнего Востока РАН проблем современного Китая, а не каких-либо других стран и регионов, изучение которых, в свою очередь, должно вестись во взаимосвязи с китайской проблематикой, а не носить характера самоцели. Сохранить приоритетное сосредоточение ученых на фундаментальных научных исследованиях (а не на преподавании, написании записок по текущим сюжетам и т.п.);

2) в крайнем случае – допустимо выделение из состава ИДВ РАН самостоятельного Института современного Китая РАН с сохранением его статуса как государственно-бюджетного учреждения науки;

3) выделить по линии МИД и Министерства промышленности и торговли Институту Дальнего Востока постоянные места в Посольстве и Торгпредстве России в Китайской Народной Республике;

4) выделить финансовые средства для восстановления существовавшей ранее надбавки к заработной плате в размере 20% ученым, постоянно работающим с китайскими источниками.

В.В. Малявин. Переформатирование китаеведения в нашей стране имеет прежде всего географическое измерение. Современные тенденции мирового развития побуждают нас изучать Китай (помимо методов классической синологии) в контексте всей Восточной Азии и того, что я называю евразийской мета-цивилизацией или евразийской глобальной миросистемой. Необходимо создавать востоковедные кадры нового профиля, владеющие двумя-тремя восточными языками и инструментарием сравнительного изучения цивилизаций в Азии и в глобальном масштабе. В противном случае Россия не сможет ответить на «вызов Востока».

В содержательном отношении нужно попытаться пойти дальше традиционных методов как работы с китайскими текстами, так и исследования китайских реалий. Говоря конкретнее, следовало бы преодолеть инерцию стереотипного, так сказать, бытового, «здравомысленного» перевода и перейти к постижению глубинного смысла словесности в духе, например, теории «чистого текста» В. Беньямина, что со времен книги «Чжуан-цзы» называлось в китайской традиции «небесной разумностью», «небесными гранями», «глубинным импульсом» опыта и т.п. Одновременно следует активно пользоваться разработками современной западной философии, психологии, политологии и проч., открывая новые подходы к китайскому материалу. Такое сочетание, я надеюсь, позволит осуществить прорыв в нашем познании Китая и вступить в осмысленное и творческое общение как с китайскими учеными, так и с западными синологами. Так мы могли бы приблизиться к решению сверхзадачи, заданной самими условиями исторического бытия России: быть мостом между Западом и Востоком.

А.Н. Карнеев. В современной ситуации (наряду с сохранением фундаментальности в подготовке соответствующих специалистов, а также развитии классического востоковедения) востоковедное сообщество России имеет важную миссию – способствовать серьезному переносу приоритетов политико-дипломатических и внешнеэкономических усилий с западного направления на южное и восточное, настоящему прорыву России на Восток – наращиванию политико-экономических и культурных связей с элитами стран Азии и Африки.

Одной из попыток интегрировать разрозненное и недостаточно взаимодействующее друг с другом сообщество востоковедов, в том числе китаеведов, стало недавнее создание в НИУ ВШЭ портала «*Orientalia Rossica. Востоковедение XXI в.*». Однако пока не совсем понятно, будет ли этот ресурс удовлетворять всем потребностям российского китаеведения или целесообразно будет создать именно синологическую площадку для того, чтобы синологический исследования по всей России имели бы более полную репрезентацию.

В образовательной сфере в условиях нарастающей цифровизации, вероятно, стоит подумать о создании единой базы онлайн-курсов и других электронных ресурсов в масштабе всей России.

В.Г. Дацышен. Современное российское китаеведение находится не в самом худшем состоянии, имеет высокий потенциал, сохраняет лучшие традиции. Однако сегодня по всем направлениям развиваются негативные тенденции, сужающие финансовые и организационные возможности для развития китаеведения. Если не остановить эти про-

цессы, не повернуть их вспять, то деградация китаеведения в России неизбежна. Остановить негативные тенденции можно лишь при перераспределении полномочий от бюрократического аппарата в пользу академического сообщества.

Н.А. Самойлов. На мой взгляд, необходимо добиваться создания эффективной грантовой поддержки китаеведных исследований. Требуется также целенаправленная поддержка еще существующих научных школ в тех центрах, где сохранилась фундаментальная подготовка китаеведов. Грантовые проекты должны включать не только научные исследования, но и подготовку (повышение квалификации) молодых китаеведов под руководством более опытных коллег. Сейчас речь уже идет о штучной, а не о массовой подготовке специалистов по истории Китая.

Эффективность грантовой поддержки такого рода исследований можно проиллюстрировать одним положительным примером. В 2019–2020 гг. сотрудниками Восточного факультета СПбГУ, включая группу молодых китаистов, был реализован проект, поддержанный грантом РФФИ, в рамках которого был впервые осуществлен перевод на русский язык уникального китайского историко-этнографического памятника XVIII в. «Хуан цинчжигун ту» («Изображения данников правящей династии Цин»), хранящегося в коллекции старинных китайских книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, и на его основе проведено исследование эволюции представлений о других странах и народах в период правления династии Цин, поскольку данный ксилограф рельефно отражает знания китайцев о народах мира, накопленные ими к XVIII в. Было проведено всестороннее комплексное исследование памятника и составлены научные комментарии к тексту и ко всем имеющимся там 598 иллюстрациям. Теперь предстоит осуществить издание этого памятника с переводом и комментариями.

Далее. Нужно обязательно создать координационный центр, объединяющий ведущих российских китаеведов, в рамках которого сформулировать основные цели и задачи на современном этапе. Необходимо создать единое виртуальное пространство российского китаеведения, включать онлайн-лекции ведущих китаеведов в учебные планы и программы вузов, где сейчас ведется китаеведная подготовка. И ни в коем случае не обособляться.

На мой взгляд, журнал «Проблемы Дальнего Востока» должен остаться главным российским китаеведным журналом широкого профиля, включая историческую тематику.

А.В. Виноградов. Китаеведение находится в критическом состоянии, выход из него требует чрезвычайных мер. Наше профессиональное сообщество может взять на себя ответственность и предложить государству такой пилотный проект по развитию китаеведения, который затем можно будет использовать и в других страноведческих исследованиях. Для этого у нас есть все основания. Во-первых, потому что мы большая и численно растущая корпорация. Во-вторых, китаеведение без всякого преувеличения находится на переднем крае изучения зарубежного Востока и международных отношений. В-третьих, китайская цивилизация преодолела кризис и теперь вновь способна искать и находить собственные ответы на вызовы Новой эпохи (по аналогии с Новым временем), теоретически значимые и практически полезные.

Во-первых, финансирование должно осуществляться по научным направлениям и подразделениям. Однако на практике средствами, ставками и даже темами распоряжается административное руководство, часто не имеющее никакого отношения к проблематике научных исследований. В качестве переходной меры для эффективного использования бюджетных средств необходимо закрепить финансирование за научными подразделениями (центрами и отделами), возложить персональную ответственность на их руководителей. Для этого наделить их на федеральном уровне официальным научно-организационным статусом, например «руководитель научного направления», проводить конкурсы на замещение, допускать к ним только по строгим профессиональным критериям, ут-

верждать план исследований с конкретными содержательными и наукометрическими показателями.

В рамках экспертной деятельности РАН возложить на ИДВ функции по проведению научной экспертизы и рецензирования монографий и диссертаций, проводить курсы повышения квалификации для преподавателей вузов. Обратиться к Министерству науки с предложением в обязательном порядке назначать научным руководителем и/или консультантом соискателя ученой степени профессионального китаеведа, проводить согласование или утверждение тем только в профильных советах.

Нельзя устраняться от самостоятельного китаеведения, а для этого необходимо публиковать не только положительные, но и отрицательные рецензии и тематические обзоры в нашем журнале. Одновременно использовать его возможности по сбору и систематизации информации, вовлекать в профессиональное сообщество. Все это можно сделать только на уровне государственных решений.

Для этого необходимо вернуться к выборам директора из числа профессиональных специалистов по Дальнему Востоку и исключительно научным коллективом. У естественников инженеры, электрики, механики являются неотъемлемой частью научного коллектива и поэтому обоснованно могут участвовать в выборах руководителя научного учреждения, в общественных науках экспериментов нет, поэтому участвовать могут только научные сотрудники.

Привлечь к кураторству ИДВ профильные ведомства, например МИД, в котором хорошо представляют ценность прикладного и фундаментального знания. Возможно, следует наделить МИД правом вместе с РАН и Миннауки согласовывать направления и руководителей исследований. Эта практика может быть распространена и на другие институты нашего отделения.

Что-то из этого, конечно, полумеры, тактика на период неопределенности. Свободная от конъюнктуры, долгосрочная стратегия должна заключаться, во-первых, в подготовке государственной программы развития китаеведения, инициатором которой должны стать не чиновники министерства, а профессиональные китаеведы. И, во-вторых, в восстановлении полноценной деятельности РАН как ведущего центра фундаментальных научных исследований и экспертизы.

Литература

Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010.

Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. № 6.

Интерес к китайскому языку в РФ вырос втрое за 10 лет – доклад. 24.07.2017. URL:

<http://ekd.me/2017/07/interes-k-kitajskomu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (дата обращения: 07.11.2021).

Кобзев А.И. Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 6.

Кобзев А.И. «Столкновение цивилизаций» и «диалог культур» // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова / Сост. Ю.В. Чудодеев. М.: Наука, 2011.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015.

Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 07.11.2021).

Рособрнадзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку. URL:

http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (дата обращения: 07.11.2021).

Федеральный государственный стандарт среднего общего образования. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 07.11.2021).

Шабалин В. Упущенный шанс // *Проблемы Дальнего Востока*, 2015. № 2.

Экзамен на знание китайского. 01.02.2016. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (дата обращения: 07.11.2021).

Beckley M., Brands H. The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World // *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise>.

Kupchan, C.A. The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage // *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (дата обращения: 15.11.2021).

References

Alekseev V.M. Rabochaya bibliografiya kitaista. Kniga rukovodstv dlya izuchayushchih yazyk i kul'turu Kitaya. [Working Bibliography of a Sinologist. Chinese language and culture guide book]. SPb.: BAN, 2010. (In Russ.).

Alekseev V.M. Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty. [Science of the East. Articles and documents.]. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj li-teratury izdatel'stva «Nauka», 1982. (In Russ.).

Beckley M., Brands H. The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World. *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise>.

Ekzamen na znanie kitajskogo [Chinese Proficiency Exam]. 01.02.2016. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Federal'nyj gosudarstvennyj standart srednego obshchego obrazovaniya [Federal state standard of secondary general education]. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Interes k kitajskomu yazyku v RF vyros vtroe za 10 let – доклад. [Interest in the Chinese language in Russia has tripled in 10 years - report]. 24.07.2017. URL:

<http://ekd.me/2017/07/interes-k-kitajskomu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Kupchan, C.A. The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage. *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (accessed: 04.08.2021).

Kobzev A.I. Nauchnyj status vostokovedeniya i sud'ba rossijskoj kitaistiki [The Scientific Status of Oriental Studies and the Fate of Russian Sinology]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021. № 6. (In Russ.).

Kobzev A.I. "Stolknovenie civilizacij" i "dialog kul'tur" ["Clash of civilizations" and "dialogue of cultures"]. V potoke nauchnogo tvorchestva. K 80-letiyu V.S. Myasnikova / Sost. YU.V. CHudodeev. M.: Nauka, 2011. (In Russ.).

Lukin A.V. Vozvyshayushchiysya Kitaj i budushchee Rossii (Raboty o Kitae i rossijsko-kitajskih otnosheniyah): Sbornik statej. [Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations): Collection of articles.]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015. (In Russ.).

Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 31 maya 2021 g. № 287 «Ob utverzhdenii fede-ral'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya». [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 "On approval of the federal state educational standard for basic general education."]. 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Rosobrnadzor rasskazal o EGE po kitajskomu yazyku. [Rosobrnadzor revealed information about unified national exam of Chinese language]. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Shabalin V. Upushchennyj shans [Missed chance]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, № 2. (In Russ.).

Vinogradov A.V., Kobzev A.I. Rossijskoe kitaevedenie: sovremennoe sostoyanie i osnovnye problemy [Russian Sinology: Current Stage and Main Problems]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2021. № 6. (In Russ.).